

Барот Байкабулов

Книга сонетов

БАРОТ БАЙКАБУЛОВ

КНИГА СОНЕТОВ

БАРОТ БАЙКАБУЛОВ

КНИГА СОНЕТОВ

Перевод с узбекского
ВЛАДИМИРА ЦЫБИНА

*Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1977*

Художники

К. Башаров. М. Кагаров

© Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1977 г. (Перевод)

С Узбекистаном в сердце

Барот Байкабулов принадлежит к той плеяде современных поэтов, чье детство совпало с годами войны и послевоенных испытаний. Вот почему строки его стихов навсегда озвучены строгой памятью этого трудного детства. Детства ожидания отцов. Детства, которое длилось недолго. Вот почему в его поэзии основная тема — это тема испытания, которая неотделима от солнечного образа родной земли, от радости, добытой из испытаний. И все эти образы сливаются в единый, величественный образ жизни, к которой поэт обращается на языке сердца:

Ты — мать земля, а я — родник,
Что из груди забил, звеня.
Ты — песня, я — ее язык,
Весь суций мир — моя родня.

Мера жизни для него — это мера долга перед страной, перед своей совестью. Это мера гражданственная по своей поэтической сути, и не зря в 1973 году за книги «Сонеты», «Памятники говорят» и поэму «Третье поколение» Барот Байкабулов был удостоен премии Ленинского комсомола республики.

«Памятники говорят» — не просто удачный образ книги. В его поэзии действительно говорят памятники. Говорит память страны. Память сердца. И когда, например, читаешь его стихи о солдатских письмах:

Под стеклами музеев вижу ныне
Я письма треугольные солдат...
И пулями пробиты разрывными,
Осколками тяжелыми гранат,

Лежат те письма, ставшие святыми.
Их строки в сердце матери хранят,—

действительно понимаешь неизбежную благодарную боль поэта за тех, кто погиб в бою, защищая родину. Так говорит скорбная память поэта, но скорбь его души — не разрушающая, не сеющая сомнения, а созидательная. Эта скорбь — как долг живых перед павшими.

Он не останавливается перед фактом как таковым. Жизненный факт, впечатление для него только отправная точка для разговора о самом насущном — о месте человека в современном мире, о его гражданственной значимости. Говоря образно, дорога его не привлекает, если на ней нет идущего путника. Ему нужна устремленность, радость труда, заботы человеческие:

Нет, не отделишь радость от забот!
Вот в этих двух границах жизнь проходит.
У человека дел невпроворот,
И человек в делах себя находит.

Итак, чувство обретения корневой связи не только с родной землей и временем, но и с заботами о людях и о времени — вот что постоянно переживает поэт и сердцем, и мыслью. И в этом действительная философичность его лирики.

Конечно, как у каждого поэта, у него не все равноценно. Но ведь у кого из поэтов кардиограмма лирики ровная?

Главное то, что у Барота Байкабулова хороший, волевой жизненный настрой, который уже проявился в первой его книге «Самаркандские строки», вышедшей в 1962 году.

И еще одно важное обстоятельство — биография его лирического героя во многом совпадает с его личной, что придает его стихам и достоверность, и убежденность, а биография его типична для его сверстников.

Он родился в 1937 г. в селе Кенагас под Самаркандом. Окончил филологический факультет Самаркандского университета им.

Алишера Навои. Работал в редакциях газет и журналов, был заместителем главного редактора республиканского издательства «Ёш гвардия»... Путь его — это путь журналиста и редактора, что дало ему и многочисленные жизненные впечатления и немалый литературный опыт. Это помогло ему осмысленней и душевней почувствовать в себе истоки, идущие от «подземных» токов родной земли. Не зря он говорит: «Пока живу одной тобой — дотоль в глазах моих не слезы — гроздь звезд. Пока со мной ты — не страшна мне боль, и на земле любимой я не гость!»

Так чувство нераздельной связи с родной землей перерастает в его лирике в чувство неразделимости со всей страной, с временем, гудящим новостройками Мирзачуля, новыми проспектами Ташкента:

Мой край, ты для меня — весь белый свет,
Тобой навеки сердце озарилось.
Я рос, твоей заботой согрет,
Я полюбил твоих рассветов стылость.

Признательность — вот одна из основных его тем. Признательность и устремленность к нравственной чистоте, к будущему.

Если в ночь разлуки нашей не сумела ты заснуть,
Это значит — всколыхнулась в сердце память обо мне,
Если пламенное чувство вдруг тебе вселилось в грудь,
Ты мое увидишь имя в этом радостном огне.

В этой книге сонетов меня как переводчика, прежде всего, привлекла симфоничность звучания сонетов, а также то, что они как бы переливаются друг в друга и взаимно обогащаются от этого. Именно внутреннее звучание определяет характер поэзии Барота Байкабулова — лирическую направленность его стиха, тяготеющего к всестороннему охвату людских судеб и судеб вре-

мени. Вот почему он выбрал сонет как форму, придающую содержанию поэтическую законченность.

Конечно, сонет в его поэтическом истолковании нередко трансформируется в новые ответвления формы, он как бы добавляет к нему новые, идущие от опыта классической и народной поэзии Узбекистана признаки. И это хорошо, потому что поэзия всегда поиск в самых разных и неожиданных направлениях. С Узбекистаном в сердце, с любовью к людям пишет свои стихи, сонеты и поэмы один из самобытных и замечательных поэтов нашей многонациональной лирики — Барот Байкабулов.

Владимир Цыбин

Л ю б о в ь

Через печаль свою, через зарю
К тебе одной протягиваю руки,
И, как свеча, горящая в разлуке,
До самого рассвета я горю.

С рассветом снова сердце озарю,
В твой дом войду, и вновь в сердечной муке
Протянешь мне доверчивые руки,
Свою тебе я душу подарю!

И отразясь в твоих глазах ночных,
Разлуки острый меч вложил я в ножны,
Как будто мальчик, с грустью осторожной
Остановлюсь напротив глаз твоих.

Из-за тебя меня покинул сон,
Я на любовь тобою обречен.

Если ты звезда в приюте неба,
Я — земля, иду на твой призыв.
Верил то доверчиво, то слепо,
Что дойду, все в жизни совершив.

Если ты луна в приюте неба,
Я — земля — и этим в мире жив,
Мне нужней воды, нужнее хлеба
Имя милой, звучное, как миф.

Если солнице ты в зените синем,
Я — земля, вращаюсь вокруг тебя,
Становясь и радостным, и сильным.
«Солнце ты мое!» — твержу, любя.

Пусть в твоём я пламени сгорю :
— Будь моим ты солнцем! — говорю.

Бесценность мною прожитых годов
И чудо жизни радостной твоей,
Мгновенность грусти, что забыть готов,
И ясный взгляд твоих родных очей.

Земля полей хлопковых и цветов,
И красота, и ширь родных степей,
И доброта спокойствия, и слов
Напевность — все от красоты твоей.

Любовь моя справляет торжество
В душе моей, в ее изломах — ты.
Нет на земле превыше красоты
И нет превыше счастья твоего.

Сын гор твоих высоких, сын полей,
Тянусь к любви единственной твоей.

Я создал для тебя любви престол
И восславляю нежность твою снова,
И счастье я вблизи него обрел —
Такого счастья не найти другого.

Пусть жизнь трудна и пусть мой путь тяжел,
Но все ж любовь моя — всего основа.
За пламенный твоей любви глагол
Взаимностью душа платить готова.

Ты дай приют моей любви опять,
Ты протяни навстречу мне ладони —
А трон любви, ему всегда стоять;
Шахиней будешь ты на этом троне.

Ты будь счастливой, будь всегда мила,
Любовью ты мне сердце обжила.

Я ищу тебя, твои следы
Кажутся глазам моим святыми.
Я ищу тебя, твои следы
Стали властелинами моими.

Я ищу тебя, твои следы
Как цветы цветут в рассветном дыме,
Я ищу тебя, твои следы
Сыплют в сердце искрами густыми.

Я ищу тебя, твои следы
Вновь надежды радость обещают.
Я ищу тебя, твои следы
В дом твой неизменно возвращают.

Два зрачка твоих, как две слезы,
И ведут домой твои следы...

Жила все годы в местности своей,
Из-за меня ты стражем дома стала.
Душой своею жертвуя, детей
По ласке тосковать не заставляла.

Ты отдыха не знала и ночей
В заботах никогда не досыпала,
С сердцами их все больше, все нежней
Свое сердцебиение сливала.

Стихи и песни, как детей моих,
Ты осветила солнечною новью.
Когда б не ты, вовек бы не постиг
Вселенную, что названа любовью.

И потому одну тебя зову,
С тобой ликую и тобой живу!

Вновь в глазах твоих родных пламя и разлука,
Вновь пришла через сады спрашивать меня,
Приколов к груди цветков майского урюка,
Ты пришла в мой день, что встал, пчелами звеня.

Десять месяцев я жду — горькая наука —
Десять месяцев перо за строкой гоня.
В цветнике моих надежд разберись, а ну-ка —
На разлуку обрекла: в холод — из огня.

Вновь даю стиху разбег — нету лучше доли —
Снова весть я подаю, чтоб пришла опять,
Как дехканин семена сеет в чистом поле,
Так стихи я о тебе заношу в тетрадь.

Вновь пришла весна красна, дорогие люди,
И слагаются стихи с верою о чуде.

Искорка любви вдруг наугад
В сердце мне из глаз твоих вошла.
Берегу ее я, словно клад,
Словно светоч, что во мне зажгла.

Если надо, жизнь свою я рад
Сжечь на этом пламени дотла.
И, твоею нежностью богат,
Я хочу, чтоб ты меня ждала.

Без тебя мне тесно на земле,
Горечью душа опалена.
И померкнут, кажется, во мгле
Без тебя и солнце и луна.

Жизнь свою, к твоей любви, к огню,
Как огнепоклонник, преклоню.

Вспоминаешься одна ты, словно диво,
У окошка в свете гаснущего дня,
Оттого, что жду тебя я терпеливо —
Вдалеке не обижайся на меня.

На твою дорогу грустно, сиротливо
Я гляжу, разлуку долгую кляня,
И душа моя, печальная, как ива,
Задыхается близ лунного огня.

Ввысь стремительные голуби взлетают
Над садами, над цветами, надо мной.
Так и кажется, что горы опьяняют
Красотой своей спокойною, земной.

Я сгораю от любви, как от огня,
У окошка, в свете гаснущего дня.

Спасибо, жизнь, что ты была такой.
Все, что желал, исполнила сполна.
И счастлив я — душа моя цельна,
И радость льется шумною рекой.

Да, цель близка, хоть брошен в непокой,
Но манит как и прежде вышина.
Когда душа тоскою стеснена —
Не отзовется ни одной строкой.

Всего не вполнину мне дала
Моя судьба — и счастья, и тепла.
Нет, не хочу и вполнину зла,
Дороги той, что ввысь меня вела.

Джаным, я жду, когда ты в праздник наш
Своей подушки половину дашь...

Ты — меня, а я — тебя искал
В цветнике одном — в одном дому.
Ты же — мне, а я тебе писал
О любви поэму потому.

Я тебе, как мне ты, собирал
На холмах цветы в росе, в дыму,
Руку, как мне ты, тебе я дал,
Словно Сыр, обнявшийся с Аму.

По тебе тоскую, ты — по мне,
Оттого нам встретиться пора.
По тебе тоскую, ты — по мне,
Как Тахир влюбленный и Зухра.

Без любви бы в мире свет погас,
Лишь любовь соединяет нас.

Любимая, живи и расцветай!
Так в небеса взвиваются сапсаны*
И шествуют за край небес, за край
Моей земли — сквозь синие туманы!

В лугах цветов букеты собирай,
Нетерпеливо ждут тебя тюльпаны.
Любовь врачует горестные раны.
Не в небе рай, а на земле лишь — рай!

Все для тебя — и даль и синева,
И нежные, певучие слова.
Ты расцветай сильнее все эти годы,

Пред той, кому удел счастливый дан,
Пусть счастье расстилает дастархан!
Судьба моя — цветок родной природы...

* Сапсаны — цветы.

В пучине, что любовью названа,
Средь ураганов движется душа.
Летит на берег грузная волна,
Обломки корабельные круша.

Без жемчуга морская глубина,
Что вобрала сиянье звезд, спеша.
И есть у ней одна всего цена —
Влюбленная и звездная душа.

А ты, влюбленный, в плен любви попав,
Прошедшее на помощь не зови,
Ведь нет назад путей и переправ
Тому, кто взят пучиною любви.

Бушуют волны, гул стоит вокруг...
Горит душа в предчувствии разлук...

Во всех домах уже давно
Сияют в окнах огоньки,
Но лишь в одном из них темно —
К нему не рвутся мотыльки.

Все прожитому вручено —
И свет любви, и боль тоски, —
И только помнится одно
Письмо, тревожный бег строки.

О, сколько раз, о, сколько раз
Стояли у ее окна...
Но свет любви, видать, угас,
И вот теперь она одна.

Во всех сердцах есть свет сейчас,
И лишь в одной душе погас.

Стоит над твоим изголовьем, стоит чинара, Чули!
Похожа ты на невесту в объятьях железных гор.
Не золотое ль колечко ключа, что бьет из земли —
Кольцо твоих рук протянутых, к джайляу летящий взор.

На твоём голубом переднике это цветы ль взошли
Или шелка диковинные — яркий любви убор?
Или чудные сказки, что в сердце твое втекли,
Иль это поэма памяти, души твоей разговор?

Ягоды, что созрели на камнях, покрытых мхом —
Разве они не родинки на милом лице твоём?
Разве не исцеляют воды меня твои?

Чули, с первого взгляда влюбился в тебя давно,
Мне из твоих объятий уйти, Чули, не дано,
И я не забуду вовеки песни твоей любви.

* * *

Когда к тебе назад вернусь,
К тебе вернусь издалека,
Я пламенем к тебе прижмусь,
И успокою, как река.

Когда в твои зрачки вгляжусь, —
Вдруг исцеляется тоска,
Уходит боль, уходит грусть,
И ты по-прежнему близка.

Когда уеду от тебя,
Утихнет бег реки и дня,
Как в очаге моем тепла —
Так в сердце солнца у меня.

И жару солнца и реке
В твоём скрываться цветнике,

* * *

Мы друг о друге думаем все время,
Горя в огне любви еще сильней.
Несем с тобой бессонное мы бремя,
Склонясь над изголовьем детей.

Дни прожитые, словно пенопенье,
От них на сердце — радостней, светлей,
Подумаем о завтрашнем цветенье
И о весне твоей и о моей.

Предстанет перед нами в то мгновенье
Краса детей, моих с тобой детей.
Не нужен нам покой, отдохновенье,
Когда спешим мы к думам прежних дней.

У древа чувств твоих, любви моей
Есть наши дети — нет прочней корней!

Если в ночь разлуки сон нейдет —
Это память обо мне, как камень;
Если в сердце пламя полыхнет —
Имя мое видится сквозь пламень.

Это грусть моя и груз забот,
А не дождь в твою стучится ставень,
Молния зенит перечеркнет, —
Это значит — я тобой оставлен.

Нынче я — без розы соловей,
И душа, разорванная в клочья...
Вижу в роднике любви моей
Музыку, звучащую воочью.

Нет тебя — и стонет суховей,
Веющий мне в душу днем и ночью...

Любящий фантазии игру —
Тот всегда поистине влюбленный.
Манят, манят и поля и склоны
К своему цветочному ковру.

В косах свет — и сердцем я горю,
И во взгляде — отблеск звезд каленый
Ищет у возлюбленной влюбленный,
Как Меджнун на свадебном пиру.

Девушка словам любви внимает.
Путь к свиданью с милым, как полет.
Жизнь ей говорит: «Любовный мед
Пей, пока весна в крови играет!»

Радуйся любви своей, покуда
Не промчались дни твои, как чудо,

Любимая, приди ко мне, присядь.
Переберем мы старых сказок струны,
Возрадуем на миг сердца Меджнунов,
В степь «Карбало» мы попадем опять.

А кто любовь посмеет потерять,
Тому в лицо мы повторим угрюмо:
— Должны вы в сердце верность сохранять,
И мир для вас все время будет юным...

Неужто затоптать беспечно мог
Священное любви счастливой имя?
И тот цветок, что милой ты берег,
Неужто вдруг забвение отымёт?

Когда любовь уходит — человек
По ней пребудет в трауре весь век...

Сколь длинны разлуки ночи, сколь длинны разлуки ночи,
А душа спешит к рассвету моего с тобой свиданья,
Снова бой моей разлуки с ожиданием пророчит,
Манит грусть моя былая, манят нежности желанья.

Подняв пику, мне разлука уступить пути не хочет,
А свиданье преподносит мне цветы рассветной ранью.
Пусть проходят дни разлуки, ведь любовь моя, как зодчий,
Встреч моих неторопливо строит солнечное зданье.

У цветов, у роз — колючки, у любви же есть разлука.
Сердце мне твердит, как прежде: «Расставанье — ожиданье...
Что ты медлишь, что ты медлишь, поезжай в Ташкент, а ну-ка!»

Так твердит ночами сердце, освещая путь надежде,
Так всю ночь во мне воюют и разлука и свиданье,
Без оружия воюют в сердце, как на поле брани.

Испепеляет душу мне желанье видеться с тобой,
Любовь твоя бурлит во мне, как звонкая река,
А имя я твое шепчу, шепчу в тоске слепой,
В разлуке я с тобой, и вот пришла ко мне тоска.

Твои слова звучат во мне, как яростный прибой,
И просветляют душу мне они наверняка.
Тобой лучился мой рассвет, рассвет весенний мой.
Есть что-то в облике твоём родном — от цветника.

Уж сорок дней тоскую я, горит душа в огне,
Готов вернуться в маяту я по твоим следам,
Я жду сияющего дня, когда придешь ко мне.
Я, если надо, за тебя и жизнь свою отдам.

Мне без тебя и дом не дом, нет без тебя пути,
Вернись, любимая, ко мне и дом мой освети...

Безвременно оборвалась дутара звонкая струна,—
Терпенье кончилось его от бремени разлуки,
И слезы потекли из глаз. Душа моя тоски полна.
Вот так недвижима волна в жару в речной излучке.

Застыл в молчании джигит. Душа печалью стеснена.
И вдаль, где больше нет ее, протягивает руки.
О, если бы связать струну! Да вот оборвана струна,
И не с кем ныне разделить ему прощальной муки.

Безвременно оборвалась невесты жизнь в расцвете лет,
И сердцем одинок джигит пред этою бедою.
И сорок дней, как сорок бед — и ни в одном покоя нет.
И он, печалясь и скорбя, зовет назад былое.

Он будет тихо вспоминать, какой она была,
Как мимо них в вечерний час в цвету сирень плыла.

* * *

Ну ладно, в эту ночь еще поплачь.
Поплачешь — и на сердце легче снова,
Вглядись в себя и все переиначь,
Забудь того, бесчестного и злого.

Тоски не подпускай. Тоска — палач.
И все ж поплачь. Вернувшись из былого,
Пока воскреснет свет былых удач,
Побудь одна среди сумрака ночного.

Понятен он, язык былых страстей,
Все прошлые сомненья и упреки.
Написаны врачующие строки
От имени любви в душе твоей.

А ночь пройдет, и в солнечных лучах
Свет радости блеснет в твоих глазах.

Что может быть страшной тоски моей,
Когда все дети от меня вдали?
Болят в разлуке сердце все сильней,
Как будто пули сквозь него прошли.

Смотрю на фотографии детей,
Детей, что на руках моих выросли,
Нет никого на свете их милей —
Пути крутые вдаль их увели.

Я по ночам шепчу их имена,
Прихода дня нетерпеливо жду.
Разлуками душа опалена —
Ее на ожиданиях встречи жгу.

Я вижу их во сне и наяву
И к берегу надежды вновь плыву,

К тебе любовь моя давно тетрадью песен стала —
Пока заполнилась она, полтыщи дней прошло,
Пятьсот ночей моя душа в бессоннице пылала,
От рифмы к рифме в песнь любви перо мое звало.

Хотя частенько малышня вокруг меня играла,
Мои стихи текли спеша, разгорячив чело.
Над Нигиной своей всю ночь ты голову склоняла,
О ней баяты*, как и я, писала ты светло.

Пока строка к строке текла, в ребяческой отваге
Шахло резвилась с Фаррухджан, смеясь, вокруг меня.
То вырвут из руки перо, то вырвут лист бумаги —
До полночи вокруг меня — веселая возня.

Твоя любовь и ласка их, гудящих, как шмели,
Восторгами весны самой в тетрадь мою вошли.

* Баяты — песни.

* * *

Букет цветов ты мне преподнесла,
Я пьяным стал от запаха хмельного.
По искре ты мне пламя собрала —
Душистый факел с поля молодого.

Немало дум ты сердцем сберегла
У изголовья нашего былого,
Как будто сердце ты сожгла дотла,
Молчала ты, не вымолвив ни слова.

Всей скорбью изошла, цветы дая,
И вместе с ними свет душа дарила.
Над сном моим ввысь поднялась заря,
Лицо живой водою окропила.

Хотя красавиц много я встречал,
Я — пленник твой, — их пленником не стал.

* * *

Подайте, друзья, мне напиток.
Пусть звонче играет зурна!
Ведь в сердце веселья избыток,
Любовью душа стеснена.

В кувшине, в земляцу зарытом,
Бушует вино, как волна,
Так вспомним о давнем, забытом
И крепкого выпьем вина.

Свело нас засталие наше,
Как дружества ясного зов,
И ходит тяжелая чаша
По кругу, как стрелка часов.

Мы вспомним, грустя, о былом
И песню о дружбе споем.

* * *

Любовь мою в душе своей лелея,
Тепло своей улыбки даришь мне.
«Как ты живешь?» — улыбкою своею
Ты говоришь со мной наедине.

Цветком весенним радостно алая,
Горишь — и я горю в твоём огне,
И кажется, что снова молодёю,
Тянусь к тебе, как эта даль к весне.

А если вдруг ты мне не скажешь слова,
То сердце несказанно удивишь,
В прах обратишь мои надежды снова.

В саду любви гощу, и ты гостишь,
И все ж, услышав жар огня былого,
Любовь мою в поэму претворишь.

Развалинами кажется мой дом,
Руинами былого — без тебя,
Не дом, а словно прах земной кругом,
Печаль моя сурова — без тебя.

Светильник не зажжется снова в нем,
Грусть сумрака ночного — без тебя,
Луна не взглянет, не пахнет теплом
Из утра заревого — без тебя.

Живу я неприкаян — без тебя,
Душа и плоть, как пламень — без тебя,
И жемчуг — только камень — без тебя.
Любовь навеки канет — без тебя.

Душа как сиротина — без тебя,
И дом мой как чужбина — без тебя.

Глаза мои чарует твой атлас,
Глаза чарует мне своим отливом.
Когда тебя увидел в первый раз,
То замерла душа, как перед дивом.

Глаза мои чарует твой атлас,
В нем мне ты и дороже, и красивей.
И дум твоих, и чувств твоих запас
Ты множишь сердцем добрым и счастливым.

Хотя б и не надела ты его —
Любовь моя гореть не перестала.
Я оттого пьянею, оттого,
Что это ты стихи моя писала.

И я готов воскликнуть каждый раз:
Пускай горит, пылает твой атлас!

Дѣнь и нѣчь ты в трѣпетной заботѣ
Над дочуркой нашею стоишь,
Личико еѣ целуешь, ротик —
Отдыхай, малышка, спи, малыш!

Материнской отдана работѣ,
Нежность в сердце гордую таишь!
«Где такую девочку найдете?» —
Взглядом потеплевшим говоришь.

Если смехом вдруг Шахло зальется —
Все на свѣте ты забыть не прочь.
А заплачет маленькое солнце, —
Кажется еще прелестней дочь.

Радуйся своим малышкам, мать, —
Что лучше жизнь могла бы даровать!?

Старик, а молод, словно Регистан,
Вблизи него распродает цветы,
И светятся в глазах его мечты,
И кажется, что от цветов он пьян.

Седые брови, выпрямленный стан,
Средь праздничной, веселой суеты,
Не продает, а раздает цветы,
Старик, а молод, словно Регистан.

Красавицам цветы он раздает.
— Красавицы, ведь в запахе цветка
И радость сердца есть, и есть тоска,
В цветах моих сама весна живет.

У Регистана, около ворот
Влюбленность он с цветами раздает.

**Есть бесстыдники, что смотрят на любимую другого
С черной завистью глубокой, ведь душа у них черна.
А когда же о влюбленных произносят они слово,
Ухмыляются угрюмо — мол, кому любовь нужна?**

**А красавицу увидят, словно кот на чашку плова,
Маслянистыми глазами смотрят: «Чья теперь она?»
На колени встав, вздыхают: «Черноглаза, черноброва.
Дай тебя я поцелую — без вина душа пьяна».**

**Иногда мы отступаем перед теми пошляками,
Не клеймим позором жгучим и презрением, увы!
Их ухмылки, их намеки называем пустяками**

**И не видим, что бесстыдство, словно ржа, у них в крови.
Подымайте, подымайте выше чувств весенних знамя,
Бой ведите непреклонный с пошлым, рыцари любви!**

На мою дорогу глядя, вновь глаза твои устали,
И тебе казался годом миг, прошедший без меня.
Парой звезд неугасимых два зрачка любимых стали,
Что дарят мне бездну неба, трепет вечного огня.

Верь: друг друга мы взаимно в час разлуки вспоминали,
В час разлуки, торопливо горечь прежнюю гоня.
Мир мелодиями сердца и любви мы наполняли,
Верность первому свиданью, первой радости храня.

В негасимых зорях мира, что зовем любовью нежно,
Память в сердце неизменно цела нежность, как ручей.
Как тюльпан, уста раскрыла неизменная надежда
На союз сердец влюбленных и на наших малышей.

Если б не были все время столь счастливыми с тобою,
То любовь ушла б, наверно, невозвратною тропкою.

От улыбки младенца уста раскрывает бутон,
И цветной аромат развеивает по улицам ветер.
Над его изголовьем зажигает звезду небосклон,
И поет соловей о зеленой весне на рассвете.

На свидание с ним день, встающий в лучах, устремлен,
Устремляются реки, устремляются гибкие ветви,
И весна устилает тюльпанами каждый пригорок и склон,
И шумят провода, словно в бурю рыбацкие сети.

И от смеха младенца все цветы раскрывают уста,
Мир улыбкой его и сиянием глаз освещает.
И смеется грядущее смехом его неспроста,
И весь мир перед ним свою книгу Чудес раскрывает.

Спит малыш в колыбели. И покой у него на челе,
И улыбкой его освещается все на земле,

О, желания мои — крылья чуткие души,
Чувства жаркие мои, страсти огненный накал,
Для друзей стихи слагаю я печально, как бахши,
Что когда-то в Самарканде золотом мне напевал.

О, желания мои — крылья чуткие души,
Ваш огонь в моей груди до сих пор не отпылал.
И в непуганых словах, и в непуганой тиши
Настежь сердце я свое перед миром открывал.

О, желания мои, — горизонтам мой полет,
Совершенство сыновей, совершенство дочерей,
Плодородие земли, что в стихах твоих поет,
И любовь твоя, какой — нет на свете горячей.

О, желания мои, вы как будто зеркала,
О, желания мои, вы — огонь, а не зола...

На устах у тебя до сих пор не остыл
Поцелуя горячего огненный след.
И свиданья мои, и признания пыл
Обращаются в сердце вновь в солнечный свет.

В тусклых водах разлуки тебя не забыл,
И берег этот свет я в себе столько лет,
Потому что навеки его полюбил,
Солнцем верности я и доныне согрет.

Если будет пылать и уста обжигать,
Все равно до конца не сожжет он опять,
Все равно сохранит легкость утренних струй.

Если сад моей жизни остынет хоть чуть,
Положу тебе голову тихо на грудь
И прощальный тебе подарю поцелуй,

Влюбленные едва сойдутся в круг,
То говорят: любовь — самосгоранье,
Когда, мол, улыбается свиданье —
Ловушка может подстеречь их вдруг.

Когда прийти на встречу недосуг,
Возлюбленной стесняют грудь рыданья.
И счастье, говорят, рассветной ранью
Тогда слетает, как с деревьев пух.

Не верю этим изречениям я,
Как до бровей, ведь близко до любимой,
И не померкнет свет неповторимый
Любви, согретой солнцем бытия.

И жизнь светла, и все на свете внове...
Не оборвись, мой стих, на полуслове,

Чтоб сердце до конца понять свое,
Не хватит целой жизни человеку.
От добрых слов душа подобна свету,
А злое слово будто бы копьё.

Добро твое — деяние твое,
Оно всегда зовет тебя к ответу.
Ни клевете не верь ты, ни навету,
Пусть жизнь трудна, но ты — люби ее!

И береги от камня клеветы
Своих друзей, и песнь свою, и сердце,
Ведь клевета со злом — единоверцы.
А ты живи во имя доброты.

Как дым, легко растает клевета
Перед тобой, людская доброта...

Повалят дом подземные толчки —
Дом новый возведем на пепелище,
Вершина встанет на пути реки,
Река — вновь русло новое отыщет.

Засыплют родничок живой пески,
Проткнешь песок — и вновь струя засвищет.
Змея укусит — к доктору беги,
Он даст лекарства — и здоров, дружище!

Посев весной если не взойдет,
Посеет вновь старательный дехканин,
Огонь погаснет в очаге — и вот
От спички вновь запылало пламя.

И лишь любовь отдав другому в сети,—
Не исцелишься ни за что на свете.

Верность

И перо мое, и ручка из ургутовой чинары,
Чистота души, наверно, от ургутских родников.
Вкладывая в строки песен сердца гулкие удары,
Доброте людей Ургута песней я служить готов.

Из весенних ликований — этот смех и эти чары,
И бумага предо мною — поле, полное цветов;
Сила ног — от этой тверди, где растет ковыль поджарый,
А дыханье — от прохлады, от весенних ветерков.

Эти саи — лодка жизни, что летит по вечной сини,
Голубь, взвившийся под тучи, — жар желания в крови.
А следы мои — тропинка, устремленная к вершине,
А газель родного края — говор пламенной любви.

Мне стихи вложили в сердце незабвенные края,
Повесть древнего Ургута — биография моя.

Орел простер упругих два крыла —
К вершине дальней он всегда стремится,
Под облака, чтоб с синевой слиться,
Туда, где зори выцвели дотла.

Когда устанут крылья у орла,
Устало на вершину он садится.
И рвется он туда, где спит зарница,
Где звездная вдали мерцает мгла.

Он, с крыльями железными, птенцу
Преподает уроки пилотажа,
Чтоб, поднимаясь с каменного кряжа,
Отвагой уподобиться отцу.

Когда птенец вершину покидает —
Его орлиный клекот провожает.

Пускай поэт живет один, без дома,
Стихи ж его живут в сердцах людских.
Пристанище в душе лишь тот находит стих,
В котором слово каждое весома.

Пускай поэт ютится у знакомых,
Скитается порой в краях чужих,
Все ж вздрогнет сердце вдруг — и в тот же миг
Родится песня громко, непреклонно.

Порой живет без денег он. И вроде
Отточенное, звонкое перо,
Тетрадь да книги — все его добро.
И все-таки прославлен он в народе,

А то, что он один, что дома нет,
Что из того, когда он дарит свет?

Восемьдесят дней я обходил
Край родной, шел по следам Бабура,
Мчался по следам его, как буря,
В каждом доме добрым гостем был.

Край родной со мною говорил
То стихами, то старинной сурой.
Памятник в душе воздвиг Бабуру,
Чудо-строки в сердце сохранил.

Восемьдесят дней я повторял
Строки о Бабуре непрестанно,
Столько же ночей я потерял,
Чтоб постигнуть власть его дивана.

Я бродил в садах тех много дней,
Для меня теперь их нет родней.

М. Лермонтову

Влюбленный в страны юга, в их простор,
Он, как Казбек, глядел смятенно в дали,
И пламенного сердца разговор
Казбек с Арагви гулко повторяли.

И изгнанное сердце — среди гор
Текло, ища свободы, как вначале,
Разлучена с Россией с давних пор,
Душа жила и в гнев и в печали.

Но он пришел, но он вернулся к ней,
К своей земле и своему народу.
Он, кто воспел грядущую свободу,
Певец мятежной совести своей.

Пред миром всем он, вставший на гранит,
От имени России говорит.

Среди садов таджиков я жил почти полгода.
И кажется, что жил тогда среди цветника.
И я влюбился в душу великого народа,
Что выше гор Памира, щедрей, чем Вахш-река.

Поэзию таджиков на свой язык полгода
Переводил я сердцем, чтоб все — наверняка.
Джами и Рудаки — в страницах перевода
Запомнилась навек их каждая строка.

Как будто вышел я на звездную дорогу,
Вручив дороге той все помыслы свои.
Учил меня Джами торжественному слову,
И радости учил великий Навои.

Их огненный язык, что вдохновлял меня,
Хотел я передать на языке огня...

В этом крае не чаем встречают — вином,
Хлебом-солью встречают гостей молдаване,
Виноградом тебя угостят, а потом
Пляской радость отметят, как наши дехкане.

Виноградники всюду — даже здесь, за окном,
Даже там, далеко, там, в заречном тумане,
Собирают гостей за широким столом,
Искрометные искры сверкают в стакане...

Даже древний старик среди гроздей и лоз,
Расправляя кустам виноградника крылья,
Виноградную кисть не спеша нам поднес,
Прославляя родимой земли изобилье.

Надо мной Млечный Путь, словно спелая гроздь,
В этом солнечном крае — желанный я гость,

От границы, в десяти шагах,
Мир иной, земля лежит чужая,
Без воды от зноя изнывая,
Словно погребенная в песках.

Слышится солдатский тяжкий шаг,
Слышится — беда чужого края.
Горе только в столах изливая,
Прах пустынь — ее столетний прах.

Лишь в пяти шагах Афганистан.
И ему в барханный злой туман
Алпамыша край, быть может, снится.
И как сокол, к счастью он стремится.

Знайте же, что мы недалеко,
Братья, в десяти шагах всего!

Я, вспоминая пушкинские строки,
В Молдавии недавно побывал,
Я говорил о песенном Востоке
И строки Эминеску повторял.

Там, в Кишиневе, есть проспект широкий —
Поэтов знаменитых пьедестал.
И кажется — прославленные строки
В себя впитали мрамор и металл.

Глядят поэты в будни Кишинева,
Над ними тишь зеленая плывет,
И кажется, что пламенное слово
Вот-вот и на устах их оживет.

Отсюда взял земли священной горсть
И на проспект я Навои принес.

Памяти учителей

Чинары рухнули, увы — навеки замолчали,
И становилось на душе все горше, все лютей.
Пред ними головы склонив, мы, скорбные, стояли
И горько думали: «Каких смерть унесла людей!»

В глазах круги, в душе — темно, нет хуже той печали.
Казалось, мир весь опустел без вас, богатырей.
Таких, как вы, таких, как вы, мир повторит едва ли,
И с каждым днем, и с каждым днем грущу о вас сильней.

Казалось мне, вонзились вдруг две пули в грудь народа.
И все ж, над гибелью всегда пусть торжествует жизнь!
И вот ростки ввысь поднялись — их гнула непогода,
И тем упорней и сильней тянуться стали ввысь.

Пусть плечи у ростков еще слабы пока,—
Их крона зелена и корни — на века.

Если б ты, страна туркменов, словно солнце не была,
Проходили б в стуже лютой годы вешние мои,
Если б жаром вдохновенья душу мне не подожгла,
Замолчали бы навеки, может, сердца соловьи.

Если б свет, зажженный в Смольном, мне эпоха не дала,
Не было б в глазах ни света, ни надежды, ни любви,
Если бы рубином в сердце не горела ты, светла,
Не звенели б мои песни, как весенние ручьи.

Если бы речам простора не дала ты на года,
Я Туркмении прекрасной, я страны своей большой
Ни в любви своей, ни в песне не воспел бы никогда,
Не постиг бы и не понял я влюбленною душой.

Сердце жаркое, степное Туркменстана — Ашхабад,
И пылает мое сердце, словно огненный гранат.

* * *

Пойдем, погуляем, дружище,
У синей сиябской волны.
Свое городское жилище
Покинем мы ради весны.

Туда, где цветами насыщен
Садовый настой тишины,
Пусть будут довольны, дружище,
И нами весенние дни.

Не надо мне этой порою
В фарфоровой чашке вина,
К Сяябу пойдем мы с тобою,
Напьемся весны допьяна!

Весна позвала нас не зря —
Ну, двигай скорее ферзя...

Горы Казанджика, вы ль не величавы?
Знойных Каракумов вы ли не граница?
Родники иссякли, и поблекли травы,
Губы пересохли — хочется напиться.

Зноем грудь сдавило, высохли суставы;
На вершинах ваших снег не серебрится.
Не сойдете с места, горы, никуда вы,
Следом за барханами вам не устремиться.

Ни арчи единой, ни одной чинары,
Ни одной былинки, ни клочка тумана.
Вы стоите, горы, край родной, вершинный
Отделив стеною от равнин Ирана.

Вы, как люди, к небу руки протянули,
Вы, как люди, горы, встали в карауле.

На бескрайнем горизонте силуэтом миража,
Тонкой звездочкой мгновенной, белой искоркой живой,
То горя, то вновь тускнея, вышел он из виража,
Корабль мой.

Тяжесть матери-планеты на своих плечах держа,
Взяв сердца людей в ладони, вдаль летит он по прямой,
Вдаль, где Млечный Путь лежит, звездною пылью дрожа,
Корабль мой.

Будто космос навсегда ты сумел завоевать,
Будто мост ты проложил между небом и землей.
Как ребенок протянул руки, чтобы высь достать,
Ты, корабль мой.

И приветствует тебя солнце утренней зарей —
Корабль мой.

Пусть сердце будет гулким, как поток,
Пускай в твоей душе не будет тени,
Сожги строенья ветхие сомнений,
Ведь грусть дается в срок и радость в срок.

Когда в разлуке будешь одинок,
Ты все же помнить должен средь волнений,
Среди забот всегдашних и тревог,
Что сердце ждет весны и песнопений.

Исполненный забот и трудных дел,
Ты знаешь, перед совестью в ответе,
Что день один, деяний добрых день
Порою значит больше, чем столетья.

Дружище мой, пред нами трудный путь,
Вот почему моей опорой будь!

Лопнет струна у тамбура в тот миг,
Если сыграть о разлуке случится,
Дом продырявится, сумрачен, тих,
Если от горя вдруг сердце стеснится.

Чем улыбаться другим — я постиг —
Лучше исчезнуть, как утром зарница,
Чем наполняться в руках у других,
Лучше — твоей пиале — мне разбиться.

Лучше себя мне на части разъять,
Чем написать о неверности слово.
Лучше молчать, говоришь ты опять,
Чем пожелать мне другому худого.

Если тобой я, родная, забыт —
Лучше ослепнуть! — мой взгляд говорит.

* * *

Не зря узбек — царь плова, говорят,
Воскреснет мертвый — перед чашкой плова,
Разжечь огонь он может, говорят,
Охапкой снега мерзлого, сухого.

Когда его в моем краю едят —
Звучит о нем торжественное слово,
Он источает сладкий аромат,
Беседы задушевной он основа.

В моем краю, что весь в густых садах,
Любой из нас — искусный мастер плова,
С застольем шумным, дружеским в ладах
И с мастерством, конечно, острослова.

Не зря молва по всей стране идет:
Царь плова — хлебосольный мой народ.

Вдали от сел твоих сейчас,
Душа полна бессонной маяты,
Тебя я вспоминаю каждый раз,
Мои воспоминанья, как цветы.

А не увижу Андижан в рассветный час,
И гаснут в сердце все мои мечты.
И преданности радостный запас
Исполнен неизменной чистоты.

Любовь моя горит сильней костра,
И не увянет нежности цветник,
Стих не умрет, что в сердце я воздвиг.

И если я не сделаю добра,
Душа моя, она твоя сестра,
И ею я тебя навек постиг.

Взвалив на спину тяжело барханные пески,
Раскинулись и вдаль и вширь седые Каракумы.
Они, в объятья взявши синь, в каленые тиски,
Вбирают яд солончаков, безбрежны и угрюмы.

И день и ночь, и день и ночь их лижут солнца языки,
И, Мирзачуля красоту увидев, гаснут луны.
И только ночью от жары, от огненной тоски
Спешат они огонь отдать ветрам, ползущим в дюны.

К прибою Каспия спеша от огненной беды,
Аму лишила их весны и обошла сады.
Бежит от зноя, от песков пугливо, как косуля,

Реке к Аралу по пескам тяжелый выпал путь.
Но мы, создавшие сады, сумели жизнь вернуть—
Седым пескам дадим красу от красок Мирзачуля!

Земля — священное существо, священное, как человек,
И, улыбаясь, земля плывет среди весенних высот.
Улыбкой доброй Земли родной украшены мы навек,
И каждый из нас любимой Земле, прощаясь, улыбку шлет.

И есть на свете закон, и этот закон для всех:
Если смеется земля — тогда счастлив ее народ.
И отдается в сердце твоём, как звонкая песня, смех,
И песня странствий за горизонт снова тебя зовет.

С тех пор человеку приносит она щедрую свою дань,
И кормит его, и поит водой, и пестует, словно мать,
И ты, шагами измерив всю земную и ширь и даль,
Поймешь в дороге, что от нее сердца не оторвать.

А если ты от нее оторвешь сердце когда-нибудь,
Улыбки погаснут, погаснет даль, и пламя покинет грудь.

Нет, не отделишь радость от забот!
Вот в этих двух границах жизнь проходит.
У человека дел невпроворот,
И человек в делах себя находит.

Со лба с утра стекает пот,
Усталость спину все сильнее сводит.
Освободившись ночью от забот,
В глубокий сон он до утра уходит.

И, как младенцы, ночью люди спят,
Свободные от всех тревог на время,
Над ними ветры жизни шелестят,
Текут рекой безмолвья сновиденья.

Нас радость старит, а не груз забот —
И человек заботами живет.

Видно, солнце матерью считает
Землю. Видно, солнце влюблено,
Если всю лучами обсыпает,
Радугами вешними оно.

На заре свиданье ожидает
С нею, все огнем подождено,
А земля — большая, молодая,
И над нею звезды, как зерно.

Голову к ногам ее от века
Солнышко кладет — в разливы трав,
Красотою мира человека,
Светочем вселенной всей назвав.

Мать земля — для человека тоже,
Солнце на его детей похоже...

На вершине белой ты стоишь счастливый,
Головой упершись в звездный потолок.
Под тобой, срываясь бешено с обрыва,
Тигром разъяренный мечется поток.

Грозный гул потока для тебя — не диво,
Смотришь на него ты, горд и одиноч,
Меж землей и небом над рекой бурливой,
Все порой — некстати, все теперь не впрок.

А поток несется, бьет волной в скалу,
А поток грохочет и звенит свободно.
Ты теки в долины. Жизнь — реке подобна,
Не швыряй камня в яростном пылу!

Меж землей и небом, чем застыть на годы,
Лучше день единый быть среди народа.

Крышей мира называют наши горы,
Склоны их от трав благоуханны,
Как сосуды кровеносные — в просторы
Растеклись вслед за тропинками тюльпаны.

Скалы — звездам нерушимые подпоры,
На ладонях держат небо и туманы,
И гудящие, бурливые анхоры
Стон столетий повторяют непрерывно.

Словно эхо отшумевших поколений,
Этот грохот от кургана до кургана.
И чинар твоих столетних песнопенья,
Словно памятник героям Кухистана.

Там, где тропки по граниту вьют узоры,
Там сокровища тебе подарят горы.

**В стылый, мраморный рассвет, среди густого цветника,
Если вдруг прохлады нет, я теряю свой покой.
Если стихнет среди листвы дуновенье ветерка,
Кто же сможет исцелить боль души моей живой.**

**Если сердце мне сейчас не стесняла бы тоска,
Я сравнить бы мог тебя с первой тучкой заревой.
Если б в сердце не вошла чудотворная строка,
Кто сравнил бы с соловьем голос нежности былой?**

**Горизонт грядущих дней я увидеть бы не смог,
Если б я сейчас не жил в самой лучшей из эпох,
Если б не было в глазах света жизни у меня,**

**Разлучился б навсегда я с любимую своей,
Если б верности святой не учился у людей,
Если б пламени не брал от бессмертного огня.**

В звезды, в дальние созвездья мы влюбились несказанно,
Сквозь галактики все дальше предстоит нам мчать и мчать.
Светят нам миры иные из далекого тумана,
Не впервые нам дороги к дальним звездам открывать.

И теперь мы посвящаем строки лучшие дивана
Тем, кому в стремленье к звездам сна и отдыха не знать.
На космических дорогах сред миров иных и странных
Мы следы свои оставим, чтобы вдаль спешить опять.

Поколения былые сердце отдали тревогам,
И таблицу звезд вручил нам в руки мудрый Улугбек.
Нам одно, друзья, досталось — по космическим дорогам
Мчаться вдаль, к созвездьям новым, веря в вечный жизни бег.

Перед нами вьются тучи, перед нами — Млечный Путь,
Словно звезды золотые украшают нашу грудь.

Вот я отправился в поход на черном скакуне,
Подобно Млечному Пути, горят огни вдали.
Чем бью сильнее скакуна камчою по спине —
Касается тем меньше он копытами земли.

Среди камней летит мой конь, по жесткой мчит стерне:
И на его копытах кровь, бока его в пыли.
Он запыхался и теперь пасется в стороне —
Пасись на травах, добрый конь, и жажду утоли!

Глаза лихого скакуна, как факелы, горят,
И устремлен за горизонт его печальный взгляд,
Когда о каменную твердь копыта простучат,
За этот бешеный галоп я буду виноват.

Кровь, что сочится из копыт, из бешеных копыт,
Мне в сердце капает тотчас и песню гудит.

Эй, как будто глаз верблюжий, эй, мой мраморный родник,
Без тебя я жил в разлуке столько дней и столько лет!
Утоляя злую жажду, я сейчас к тебе приник,
Ты прости, в душе обиды на тебя, родник мой, нет.

Или к холоду разлуки, к стуже каменной привык,
Улыбаешься, приникнув, белой пеною одет?
Иль в огне тоски растаял ты, бегущий напрямик,
Иль на синей-синей глади оставляет горечь след?

Тих, как небо, безответен взгляд твой чистый, голубой,
Схож с ребенком несмышленным тем, что тянет руки ввысь.
Иль чужое новоселье разлилось перед тобой,
Поделись со мною болью и любовью поделись.

Родничок, а ну взбодрись-ка, улыбнись разок мне ты,
Я пришел к тебе набраться тихой, нежной чистоты.

Разлетелись ласточками дети —
И теперь родители одни.
Все ж о детях молятся они,
Чтоб жилось им весело на свете.

Все ж спешат детей своих приветить
В дни приезда, в радостные дни,
Шепчут, мол, аллах вас всех храни,
Никого дороже нет на свете.

В воскресенье — в доме шум и гам,
Правнуков и внуков сосчитай-ка!
Каждая невестка, как хозяйка,
Плов готовит им, не плов — бальзам!

Старики — отрада наших глаз,
Никогда не забывают нас!..

На груди у матери своей
Дочка спит, раскинувши ручонки.
Льет звезда моя, сливаясь с ней,
Тихий свет сквозь синие потемки.

А заплачет — слезы, как ручей,
Потекут, как свет по снежной кромке.
Как она, в сиянии лучей,
Щурит свои милые глазенки!

Мать ее целует в лоб, в глаза
И пьянеет от любви, и плачет,
Тоненькую, будто бы лоза,
Дочку, что для нас так много значит.

Столько материнского тепла
Щедро всем природа отдала...

Тот дом — базар, где дети, говорят.
О эти крики и проделки эти,
Их не забудешь ни за что на свете:
Как на базаре, целый день шумят.

И чтобы был счастливым этот сад,
Трепещем мы, дрожим за все в ответе.
Чтоб в жизни горя не узнали дети,
Над ними их родители не спят.

Ах, милая, родная малышня!
Чтоб ты росла, не ведая печали,
Не спали мы ночей, недоедали...

Не замечаем в сутолоке дня
Мы времени, за шумный день уставши.
Не устают лишь только дети наши.

Еще не зная мир, его затей,
Шахло, ты тихо спишь в своей кровати,
Отдав заботам сердце без оглядки,
И мир забот — над головой твоей.

И став лицом от нежности светлей,
Ты видишь мать, ты с ней играешь в прятки.
Исполнен мир неведомой загадки.
Я берегу короткий сон детей.

Придут с зарей братишка твой и мать —
Вновь солнце в нашем доме засверкает,
Чтоб ты могла спокойно ночью спать,
Все ночи глаз отец твой не смыкает.

Не день, не ночь, — всю жизнь в заботе сладкой
Готов стоять я над твоей кроватью.

**В мир человек приходит только раз,
И древо жизни раз лишь расцветает.
Мы украшаем мир, как украшает
Он и огнем и красотою нас.**

**А если вдруг придет суровый час,
Ни страха, ни сомненья он не знает,
И грудь свою под пули подставляет,
Хоть принял смерть, зато отчизну спас!**

**Пылинке даже не дает он сесть
На добрые рассветные ресницы.
Сыновья нежность гордо воплотится
В любовь к земле, в любовь к другим и честь.**

**Ведь ради сыновей, тебя, народ,
Жив человек и счастлив средь забот.**

Чтоб в гордые книги вписались деянья
Строителей трасс, покорителей рек,
В долгу пред отцами — под красное знамя
Встаем мы, поверив в их правду навек.

Сливаются люди в едином дыханье,
И замерли все, как один человек...
Минута молчанья, такого молчанья,
Что кажется: время замедлило бег.

В сердцах повторяем мы каждое имя,
Священное имя сраженных в бою,
Как будто при гимне, торжественном гимне
Я вместе с другими стою, как в строю.

Как будто при гимне стоим, распрямясь,—
С отцами у нас — неразрывная связь!

С моей душой созвучен Зарафшан.
Путь дней моих — как путь твоих громадин.
Когда б удел мне кормчего был даден,
Я бороздил бы с пользой океан.

О, если бы мне век был долгий дан
И счастье на всю жизнь мою — не на день,
Я б знал тогда: исход мной верный найден.
Ты, как звезда, светил мне сквозь туман.

Восторгом переполнясь наяву,
Когда увижу лик твой голубой
И песнь, и я в долгу перед тобой!

Хоть века твоего не проживу,
Любовью буду я сильнее гореть,
Стремясь преграды все преодолеть.

Пока положит голову к подножию Арала,
Аму зеленоглазая сквозь тыщу верст спешит,
Обгладывая камни, не ведая привала,
В густой песок истачивая береговой гранит.

И ни одна речонка ее не повстречала,
Хотя через пространство безмерное бежит,
И в каждой ее блестке и в каждой капле малой
Вселенной отраженье и отблеск звезд дрожит.

Себе пробив дорогу сквозь зной пустынь и ужас
Безмолвия — отныне она лицом светла.
И до черты желанной волною дотянувшись,
Пройдя пески седые, пристанище нашла.

Вот так народ родной мой, пройдя сквозь мглу и тьму,
Обрел свою дорогу, как обрела Аму.

Буйный ветер, как пшеничный ток,
Сыплет в лица пригоршни песка.
Мир вокруг — без сини, без дорог,
И текут барханы, как река.

Хлеб жуешь, а кажется — песок,
И воды во фляге ни глотка.
Саксаул не выдержал, полег
Вдоль густого, серого песка.

Руки исцарапаны — в крови,
Трескаются губы от жары!
Хоть швыряет ветер, муравьи
С грузом суетятся у норы.

Гнется, гнется, гнется саксаул,
Хоть бы свежий ветерок пахнул.

Вот сыплет осень золото в просторы,
Расстелены, как дастархан, поля.
Бунты сырца — небес крутых подпоры —
Стоят, глаза свеченьем веселя.

Водой прозрачной светятся анхоры,
В садах листва — осколки хрустала.
Детишки спят, на сон усталый скоры,
Ручонками спросонок шевеля.

Как вкусно пахнут на базарах дыни!
Бахча пуста, ведь осень у ворот.
Прыльнув губами к родниковой сини,
Никто уже струи ее не пьет.

И осени страда с поэтом схожа,
Она живет, сердца людей тревожа.

Не спрашивай, когда мой день рожденья,
Не трать напрасно, дорогой мой, слов,
Чтоб повод отыскать для поздравленья,
И все же я сказать тебе готов :

Сказала мама, что во дни цветенья
Родился я средь буйных цветников.
Отец сказал, что сына ждал все время —
На свет я появился средь костров.

И может, потому запеленали
Меня цветник и яростный костер,
Цветы в полон навеки сердце взяли,
Горит костер в глазах моих с тех пор.

Так пусть всегда цветник благоухает,
Без времени костер не полыхает!

Каждый матерью любимой называет землю эту,
Каждый в ней привык святое и родное почитать.
Путь того огню подобен, путь того подобен свету,
Кто за счастье человека жизнь свою готов отдать.

И Антей, любя всем сердцем, всей душою землю эту,
Упирался в твердь земную, чтобы новых сил набрать.
Прометей неукротимый, грудь свою открыв рассвету,
В море солнца погрузился, чтоб огонь землянам дать.

Вот и я родную землю, уравнив лишь со вселенной,
Как Антей непоборимый, всю ее хочу обнять.
На пути ее великом, на ее груди священной
Неустанно рассыпаю изумрудов ярких кладь.

Называя меня сыном и спасая от невзгод,
Жизнь мою сквозь свет и время на себе она несет.

Бурля потоками в степях разбуженной земли,
Хотел я жажду всех песков каленых утолить,
И как росток любви святой стихов Махтумкули,
В саду своей судьбы хотел любовь свою взрастить.

Чтобы влюбленные сердца нежней цветов цвели,
Хотел из родников его живой воды испить,
Слова, что в книгах нам донес поэт Махтумкули,
Хотел бы жизнью всею я, всем сердцем повторить.

Когда глазами сердца он в глаза и в сердце заглянул,
Он исцелил мою печаль и радость мне вернул,
И я забыл свою печаль, забыл свою тоску.

Из сердца в сердце он стихов направил караван
Через века в мой гордый век, в родной Узбекистан —
Судьбу народа воплотив в звенящую строку.

Схожа со свечою жизнь моя,
Как свеча в ночи, горю, мерцая.
Плавлюсь над листом бумаги я,
В гроздь слов слезами истекая.

Свет свечи; как алая струя,
Льется, комнатушку освещая,
Я пишу стихи, любовь тая —
Пусть запомнит их страна родная.

И в мгновенье ока мотыльком
В пламени моей свечи сгораю.
И как будто матери, тайком
Я бумаге думы доверяю.

Гаснет свет свечи ночной в зарю,
Только я горю еще, горю...

Осень моя, ты шествуешь по всей узбекской равнине,
Прутьями тала обвязываешь дехканину узкий стан,
Ягоды и пшеница в твоей золотой корзине,
Тебя, хозяйку веселья, встречает Узбекистан!

Сады давно опустели; сады подобны пустыне.
Лозы зарыты в землю. Воздух от листьев пьян.
Звенят, как бубны, арбузы. Как луны, желтеют дыни,
Сзывает на праздник осень садовников и дехкан.

Осень моя покончила со всеми делами ныне
И вот зиме улыбается — ну что ж, пора отдохнуть!
— Добро пожаловать вьюгам, добро пожаловать стыни,
И вам, отлетные птицы, выпал счастливый путь!

Если сердце остыло — подобно оно пустыне,
Пусть вечной страдою полнится и вечным поиском грудь!

Отправили вымпел мы свой на Луну,—
Тебе подарил я сверкающий сад.
Поэзии нашей послали весну
В миры, что над нашей землею горят.

А если, всем сердцем любя тишину,
Войдешь в этот сад, в расцветающий сад —
Тогда ты откроешь такую страну,
Где нежно людские сердца говорят.

Украшив его, словно вновь по следам
Былых поколений ты смело пройдешь,
Путь в небо проложишь, я знаю,— и там
Горячие звезды в ладонь наберешь.

Тогда не забудь, продолжая полет,
Что где-то далеко земля тебя ждет.

Пятиконечная звезда, увенчан герб тобой,
Звезда народа моего, великая звезда,
Ты стала символом моим святым, моей судьбой,
Весь мир гордится тем, что ты светла и молода.

В колосьях герба золотых есть малый колос мой,
Ты стала символов страны и символом труда.
И серп и молот на груди. Как орден трудовой,
Как труд рабочих — труд дехкан прославлен навсегда.

Пятнадцать радостных знамен укутали тебя,
Сиянье каждого из них — от света Октября,
В них жизнь моя, и я живу, их красоту любя,
И светится в моей судьбе грядущего заря.

Чтоб вечно жил мой гордый герб с державною звездой,
Не пожалею жизни я, готов на труд и бой,

Страна моя, тебя прекрасней нет!
И солнцу каждый колосок твой равен,
И золоту подобен каждый камень.
Страна моя, любовью я согрет!

Твои прозрачны воды, ясен цвет,
Любой родник твой будто в жемчуг вправлен,
Зажгла весна тебе свой чистый пламень,
В твоих объятьях крепко спит рассвет.

Хочу я петь подобно соловью
Безудержно лишь о тебе, любимой,
Чтоб солнце, как цветок неповторимый,
В себя вобрало всю любовь твою.

Весь мир озвучить я готов стихами,
С твоим дыханьем слив мое дыханье.

Всматриваясь в горизонт, что разверзся предо мной,
Здесь, в безбрежности реки, растворяется мой взгляд,
В ликования стихов, напоенных тишиной,
Белым голубем мечты окрыленные летят.

На руки земли полил дождь веселый, обложной,
И оделось все вокруг в яркий свадебный наряд,
Загорелся бекасам* юной радугой степной,
В колыбель зари лучи этой радуги летят.

Луговинная трава тянется к свеченью дня,
Разбрелись по сторонам облака, как табуны.
Катят быстро муравьи в норы зерна ячменя,
Покрывается земля пухом ранней тишины.

Солнце чистый-чистый свет по росе, по травам льет,
Вот такой же чистый свет излучает мой народ.

* *Бекасам* — национальная ткань.

В день незабвенный, в восемнадцать лет
Перо и саблю поднесла мне мать.
Встав на колени, нежностью согрет,
Поклялся я доверье оправдать.

И я поклялся в сердце как завет
Вот этот миг хранить, не забывать.
В глазах померк от радости вдруг свет,
Заплакал я, не в силах слез сдержать,

И эти два подарка для меня
Священны, потому что в трудный час
Я буду помнить, преданность храня:
Остры перо и сабля, как алмаз.

Пока перо в руках — людей пою,
А враг придет — сверкнет клинок в бою.

Когда любовь твою сравню с рекой,
Покажется река мне ручейком.
Стихии уподоблю ли морской —
Покажется мне море родником.

Поставлю рядом с грозною горой,
Покажется она мне бугорком.
Сравню любовь твою я со звездой —
Покажется она мне светлячком.

Сравнил бы с той любовью солнца жар,
Но перед ней слаб и его огонь.
Вмещу ее в земной, быть может, шар —
И он в мою поместится ладонь.

Страна моя, любовь твою навек
Всю в грудь свою вмещает человек.

Память

Эту землю родиной своей
Много поколений называло,
Имя ее, радуги светлей,
Дедовскою клятвою звучало.

Пращур нежно поклонялся ей.
Где, в каких веках ее начало?
Без ее вершин, ее полей
Радости душа бы не узнала.

Прикасаясь к памяти святой,
Я вложить старался душу в строки.
В ней одной — души моей истоки,
Я в долгу пред этой красотой.

Помни же, мечтанья ввысь стремя,
Под ногами — Родины земля!

Нет, памятники тоже говорят,
Они не камни близ речной излучки,
На лицах их следы боев горят,
Их вечность отпустила на поруки.

В глаза взгляните им — они глядят,
В груди у них сердцебиенья звуки,
Их руки, что сжимали автомат,
Пожать готовы крепко ваши руки.

И пули все еще в груди у них,
И на ресницах черный пепел дыма,
Но связь когда-то павших и живых —
Живая связь, она нерасторжима.

Чтоб мир был жив и чтоб смеялись дети,—
Застыли обелиски на планете.

Под стеклами музеев вижу ныне
Я письма треугольные солдат.
И вот стою недвижно перед ними,
Стою, в былое устремляя взгляд.

И пулями пробиты разрывными,
Осколками тяжелыми гранат,
Лежат те письма, ставшие святыми.
Их строки в сердце матери хранят...

Без адреса (писались в тьме кромешной).
Без подписи — и все же на века!
«Уходим в бой, — написано поспешно, —
Вернусь...» — и вдруг оборвана строка.

Лежат среди музейной тишины
Те письма, не пришедшие с войны...

Столько лет прошло... Что здесь сказать?
Как мгновенье столько лет прошло.
Сердцу от раздумий тяжело,
Ни тоски, ни боли не унять.

Двух богатырей взрастила мать,
Отдала им все свое тепло.
Хоть из Брестской крепости пришло
«Черное письмо» — мать будет ждать!

И хотя война давно прошла,
Черные одежды не сняла,
Только посох в руки мать взяла
С памятью своей наедине...

Два лишь снимка ныне на стене —
Вечный, скорбный памятник войне.

Раненое зданье на границе
На земле, обугленной войной,
Летописи гордые страницы,
Памятники славы предо мной.

Сорок было их на той границе,
Сорок дней не прекращался бой.
Не пройти врагу и не пробиться
В ярости бессильной и слепой.

Не сдаваясь, пали все джигиты,
Пали, но фашисты не прошли.
Смотрит их бессмертье из гранита —
Память благодарной им земли.

Раненое зданье на заставе —
Памятник их подвигу и славе.

Над могилой Неизвестного солдата
Задержалась в карауле тишина.
Здесь под траурными флагами заката
В изголовье — только звездочка одна.

Материнская печаль крепка и свята,
Горькой памятью она обожжена.
Смотрят матери недвижно, как когда-то,
Вдаль, как будто все еще идет война.

На могиле — пламя в вечном карауле,
Думы в сердце все печальней, все больней:
Ах, могли бы, воскресили и вернули
К матерям их незабвенных сыновей.

Я молчу. Молчит земля, печаль храня,
Все смолкает возле вечного огня...

Возвышается береза возле перевала
На обугленной границе обелеском белым,
И листва ее поэмой скоробной зазвучала
Перед памятью о павших, перед миром целым.

В дни войны в нее, живую, пуля вдруг попала,
Кровь березы запеклась под прямым обстрелом.
«Мать!— к земле она в слезах каждый день взывала.—
Столько лет я слышу боль сердцем всем и телом».

Тридцать лет уже прошло. Исцелилась рана,
Затянулась, зажила — и полна покоя,
И укуталась листвой, сшитой из тумана,
Словно это не она выжила среди боя...

Только рана на душе не пройдет, не канет,
Будет долго остывать в сердце, словно камень.

Красавец город, труженик, моряк,
Над ним висит сверкающее небо,
И в синь набились звезды, словно в невод,
И, словно песни — сердце, вдаль манят.

Не может город позабыть никак,
Когда горели села и деревни.
И вновь весна. И вновь горит маяк,
И вновь он жив и молодой, и древний.

Его ласкает море, словно мать.
Стоит он, глаз и ночью не смыкая,
И на груди пылает золотая
Звезда. И вновь чиста морская гладь.

Воскресшая из пепла и огня,
Одесса — символ жизни для меня.

Век мой нервным называют люди,
Холод стали слышен в их словах.
Век ступает в грохоте и гуле —
Солнце отражается в глазах.

И печаль веков с мечтой о чуде
Он презрел — весь в грозных мятежах,
В гуле строек, в грохоте орудий
Встал он на великих рубежах.

Гасли письма в пламени, как искры,
И осколки вражьего свинца
Пробивали жаркие сердца —
И вставляли всюду обелиски.

Светят в век грядущий, далеко
Обелиски века моего.

За целый месяц даже и одной
Строки стиха я не вписал в тетрадь,
И этих дней, утекших стороной,
Не выпросить у времени опять.

Исполнилась душа моя тоской —
И мне ничем себя не оправдать.
Ведь не воспет душевною строкой
Прекрасный мир, что сердцем не объять.

Но тридцать дней о жизни думал я,
На целых тридцать лет ушел вперед,
Был погружен я в дум водоворот,
Плененный красотой бытия.

Свое я сердце поручаю лире
С заботливою думою о мире.

Взгляд Улугбека, Млечный Путь пронзив,
Следил за каждой новой звездой,
И солнце, вознесенное в зенит,
Гордилось им за это, как собой.

Так чем он во вселенной знаменит?
Не знают люди, кто же он такой?
Историей одной он не забыт,
В нее он вписан песенной строкой.

И человеку было суждено,
Чтоб звездный мир его манил давно,
Известен он среди прожитых веков
«Великим открывателем миров».

Он жил уже тогда грядущим днем,
«Таблицу звезд» открывший астроном.

Жизнь человека как цветущий луг.
Ему улыбку солнце подарило,
Тому, кто жизнь преобразил вокруг,
Цветок улыбки поднесло светило.

Когда гнетет какой-нибудь недуг,
Ты вновь здоров, лишь улыбнется мило,
А без улыбки каждый, знай, мой друг,
С луною схож, что навсегда остыла.

Улыбки свет — свет сердца отражал
Всегда. А без улыбки — быть убытку,
Жить заточенным в тесную улитку!

К великой жизни человек шагал,
Улыбки и у солнца он не брал,
А сам ему свою отдал улыбку.

* * *

Звезда сверкнула вдруг. Ее лучи
Зажглись на небе песенною строчкой.
В тетради неба маленькою точкой
Поставлена она в глухой ночи.

Ученые нашли ее, учли,
Торжественной вписав в анналы строчкой.
К разгадке тайн — под звездной оболочкой
Отыскивали вещие ключи.

Во всем теперь намечен новый путь,
И маленькая звездочка ночная,
Переливаясь, радугой сверкая,
Тревожит память и волнует грудь.

И знаю я, любовь свою тревожа,
Что ты на эту звездочку похожа.

* * *

Грустная мелодия слышна,
Оттого и сердце будоражит.
«Перестань, братишка, ведь грустна
Музыка твоя!» — никто не скажет.

Что это — танбур или зурна?
Даль какая песню мне подскажет?
Горечью веков душа полна,
Горький опыт песней в сердце ляжет.

Кажется, струна оборвалась...
Только вдруг под голубым покоем
Загремел и заметался вальс.
Закружились вдруг аккорды роем.

Музыкант, эй! Струны натяни!
Тихую печаль душе верни.

В этот вечер море мне поет —
Слышу сказки я Шахерезады.
Кажется, русалка поднесет
Алого вина мне для услады.

Память о былом во мне живет,
Словно волн взметенная громада,
Сердце я отдал на волю вод —
Мне нужны покой их и прохлада.

Сердце потянулось за волной,
За волной, что вьет из пены пряжу...
Гордая скала подобна стражу,
Шелковой покрыта пеленой.

Сердце, словно море штормовое,
То мятежно, то опять в покое...

Звучит во мне средь полночи мотив,
Пытаюсь я унять в душе тревогу,
Весь белый свет, весь мир в себя вместив,
Как будто я средь звезд ищу дорогу.

Спят люди, о тревогах позабыв,
Весна приходит тихо к их порогу.
Я откликаюсь на ее призыв
И сердцем отдыхаю понемногу.

Безмолвие на листьях тихо спит —
Его дыханье влажное я слышу.
От песни, что в ушах моих звенит,
Я, может, до скончанья дней завишу.

Но если песне — песней не ответил,
Мечты твои пусть превратятся в пепел.

В тебя камня кинули опять.
Ты клевете щитом подставил грудь.
Стеснило грудь твою — не продохнуть.
Одним — борьба, другим же — тишь да гладь.

Не смог ты на свою защиту встать,
Не смог в глаза товарищей взглянуть,
Не смог понять ты, в чем наветов суть,
И ты: «Ошибка!» — только мог сказать.

Ты сам своей «ошибки» не постиг,
А ныне ты в недоуменье вдруг.
Кинь в море камень — тонет в тот же миг,
А ты — не море, человек, мой друг.

Так смело же в глаза друзей взгляни —
Взгляни и ложь, как камень, отщвырни!

Ножку вдруг тебе подставит тот, в кого когда-то верил,
Тот, кого считал ты другом. Разомкнулся дружбы круг,
И испуг твои сомненья неожиданно развеял,
Ты тогда прозрел и понял, кто же враг тебе, кто друг.

Ты домой к себе вернулся, ты открыл печально двери,
И лицом в свою подушку ты в слезах уткнулся вдруг
Но пришли к тебе чужие, словом ласковым согрели,
И прошли твои печали и прошел былой недуг.

А друзья, кому ты верил, обходили с раздраженьем
Стороною, как чужие, мол, во всем виновен сам.
А сегодня, как с наградой, поздравляют с повышеньем
И не ножку подставляют, а богатый дастархан.

Без беды врага от друга отличить порой нельзя.
Верь, что новые найдутся у тебя в беде друзья.

На два полюса похожи свет и темень, день и ночь :
На одном сверкает солнце, на другом горит луна.
Ночь, как косы у любимой, день, как белый снег, **точь-в-точь.**
На одном — гуденье буден; на другом же — тишина.

День руками человека всем спешит в делах помочь,
Ночь покой рукам дарует, тихой нежности полна.
Или день, подобный солнцу, улыбаться вам не прочь,
Ночь луну тебе подносит — чару, полную вина.

Ночь придет — и тьма закроет лик натруженного дня,
День и ночь, закат и утро — времени круговорот.
Если день пречистый сердцу все-таки не даст огня,
В сердце звездною порошей ночь бессонная плеснет.

День и ночь, заря и темень, время — дела, время — снов.
Жизнь лежит, как будто поле, между этих полюсов,

Пыль у окна, пыль у окна.
Снаружи ветер завывает...
Но грозовая тишина
Мне сердце снова обнимает.

И допоздна, и допоздна
На небе молния сверкает,
И прошлому душа верна —
И счастье нас не забывает.

Неугомонный льется дождь,
Все разбудив весенней речью,
А если окна распахнешь
Дождю студеному навстречу,

То вдруг прозреешь и поймешь —
Как даль светла, как день хорош!

Душу мою баюкают ее бирюзовые воды,
Куда ни взгляну — повсюду горы одни видны.
Яхонтовых тюльпанов на камнях видны разводы,
И цветники качаются в объятьях влажных весны.

О чем же «Семь братьев» думают, о чем же все эти годы?
О прошлом неторопливо рассказывают валуны,
И тучи плывут над полем, как белые пароходы,
И кажется, что на травах строки поэм видны.

Стоят чинары могучие, словно весны антенны,
У них аромат целительный и словно бальзам роса.
И родники повторяют девушек голоса,
Девушек, что купаются в речке холодной, пенной.

И мир отражают праздничный веселые их глаза,
И радостна, как невеста — весенняя бирюза.

На листе простом календаря
День осенний, день обычный ныне,
И листва, от желтизны горя,
Дотлевет незаметно в сини.

Два моих оконца все равно
Приоткрыты для декабрьской сини.
Только гнезда аистов давно
Мерзнут на простуженной осине.

Волоча тяжелый свой подол,
Отжелтела, отзвенела осень.
Вот последний день совсем ушел,
Лист разбивший, словно льдинку, оземь.

Выпуская белых зябких пчел,
Ныне что-то стужа дует очень...

Осенний ветер дует без конца,
Уже давно в разгаре пир листвы.
Бумага, словно желтая пыльца,
Хранит тепло написанной главы.

Письмо, соединившее сердца,
Как сирота мытарствуя, увы,
Похоже на осеннего гонца,
Что весть несет — закрыт базар листвы.

А мы, о наших письмах позабыв,
Спешим беспечно снова на пиры,
Вот так забытый с юности мотив
Хранит тоску влюбленных до поры.

И лишь письмо о чем-то говорит,
Окалиной среди листвы горит...

Бобо-дехканин, всласть работал он,
Весь в серебре хлопкового прибора.
Лишь к сумеркам, трудами утомлен,
Он отдыхал, как ратник после боя.

Он сединой, как хлопок, убелен.
Пусть в серебре, но сердце молодое.
День, положив главу на небосклон,
Ложится спать, устав от непокоя.

Так прожил пращур мой, так прожил дед,
В сердца вошел им хлопка белый свет,
Традиция, что берегли от века,

Досталась от отца мне с ранних лет,
Кто не пойдет за нею так же вслед —
Тот не достоин имени узбека,

Двести сорок ступеней, двести сорок ступеней,
И любая, любая, словно жизни граница.
Шаг по каждой ступени, словно эхо мгновений,
Рядом эти ступени, как глаза и ресницы.

Реки, реки людские, реки всех поколений.
Нет, не реки, а море как будто струится.
Двести сорок ступеней, двести сорок ступеней,
Проступили на камне непреклонные лица*,

Здесь могила Хамзы, дорогая могила,
Где великая слава навсегда опочила,
И не камень могильный, а строки творений,

Строки чудных поэм, о, отчизна родная,
В сердце свято приносит благодарность людская..
Двести сорок ступеней — как каскад поколений!..

* Имеется в виду памятник, воздвигнутый в Хамзаабаде в честь красноармейцев, погибших в боях с басмачами.

Стоит скала, холодная, как сталь,
Под ней вскипает моря вал безбрежный.
Бушует море — яростный бунтарь,
И гулом отвечает мрак кромешный.

Стоял здесь Пушкин вдохновенный встарь,
Стоял с душою огненной и нежной.
И море с сердцем Лермонтова вдаль,
Как эхо, уносило стих мятежный.

И многих песнопевцев голоса
Крутое море повторяет ныне,
Волненье моря, вся его краса
Меня пьянит и ослепляет синью.

Я на скале стою, с волненьем споря,
Я немо постигаю душу моря,

У Черного моря стою одиноким,
У кромки прибоя стою,
И море целуется с небом высоким
И душу волнует мою.

Я в гуле прибоя чудесные строки
Неведомых книг узнаю.
И звезды мерцают над морем, высоки,
Как звезды погибших в бою.

И сердце мое, задыхаясь от жажды,
Поет, в даль крутую маня.
— Люблю я отважных, люблю я отважных,
Спасавших от смерти меня.

Отважных, спасавших весь мир не однажды
Для света грядущего дня!

* * *

Увидел вдруг священный я родник,
Его чинары принакрыли тенью.
К его воде губами я приник,
И сердце мне укутало волнение.

И ласточкой себя, пускай на миг,
Почувствовав, весь — плавное паренье,
Я мыслью, я душой своей постиг
Пульс родника, его сердцебиенье.

Меня свалил в тени чинары зной.
Вдруг, будто бы из солнечного света,
Красавица явилась предо мной:
«Нельзя лежать! Святое место это!»

Ведь на родной, красавица, земле
Священно все и все любезно мне!

* * *

Не успели глазом мы моргнуть —
Год прошел мгновенно, как гроза.
Схож со сказкой пройденный наш путь,
Чистый, как рассветная роса.

Если чуть со стороны взглянуть —
Не померкла гордая краса,
Золоту его подобна суть —
Он глядел на мир во все глаза.

К возрасту короткому детей
Год еще прибавился один.
И на год стал ближе и родней
Век грядущий, свет его вершин.

Старый год прощается теперь,
Новый год заглядывает в дверь...

Стремглав промчалась по небу звезда,
Бросая в мир пучок прощальный света,
Ушел из жизни кто-то навсегда,
Трель соловья в листве умолкла где-то.

Остыла на столе давно еда,
Остыло на цветке засохшем лето,
Пришла к кому-то мачеха-беда,
И чье-то сердце встречей не согрето.

И в чьем-то доме свет погас. И вот
Оборвалась струна дутара где-то,
И снег вершин сковал тяжелый лед,
И где-то в траур чья-то мать одета.

Беда случилась где-то на земле,—
Чужая боль пригвождена ко мне.

Жизнь — это мир, не знающий предела,
Ей никогда иссякнуть не дано.
Как в зеркале, в душе отражено
Все, что болело и не отболело.

Жизнь — это мир, не знающий предела,
Раскрытое в грядущее окно.
И счастье жизни вечное дано,
И красота — я утверждаю смело.

В руках людей судьба времен и мира,
Жизнь непрерывна, песенна, как лира,
И даль вечна, как вечен жизни путь.

И надвое разделена планета:
На тьму печали и на радость света.
Уходит тьма и входит счастье в грудь.

О жизнь, люблю тебя, твой лик!
Ты — свет, я — капелька огня;
Ты — время, я же — только миг
Еще не начатого дня.

Ты — мать-земля, а я родник,
Что из груди забил, звеня,
Ты — песня, я — ее язык,
Весь суший мир — моя родня.

И я гляжу в твои глаза,
Готов тебе во всем служить;
Я — облако, а ты — роса,
И дню ее не погасить.

Мое твое сердце, вечный бег.
А кто без сердца человек?

**В объятьях ночи — звезды, как пунктир,
А что за ними в вечности, далече?
Как будто ожидая с милой встречи,
Рассвет сзывает все сады на пир.**

**А каждая звезда ведь — целый мир,
И этим схожа с сердцем человеческим,
Внимаем ей мы песенною речью,
О, сколько тайн хранит в себе эфир!**

**И все же, проникая в тайны звезд,
Мы кладовую знаний постигаем,
Глядим в глаза и прямо, и всерьез,
Но вот сердец своих не понимаем.**

**А если сердце мы прочтем подробно:
Поймем: оно огнем звезде подобно...**

Самарканд

Венок сонетов

В объятых Зарафшана город мой —
В садах твоих метет пурга цветов.
И распрямились листья над землей,
Тяжелые, как крылья у орлов.

Ты — праздничный, ты снова молодой,
Мой Регистан, стряхнувший пыль веков.
Сегодня праздник здесь — сегодня той,
Пылают флаги, как огни костров.

Стучат копыта скакунов, как град.
— Сегодня той! — глашатаи кричат.
И гости Регистана, стар и млад,
На площадь Революции спешат.

И даль светла, и чист твой небосклон,
Земля, где я когда-то был рожден.

Земля, где я когда-то был рожден,
Заснувшая в объятиях веков,
Проснулась от хмельных рассветных снов,
Слилась с душой моею даль времен.

И летопись святую, как закон,
Мой Самарканд всем рассказать готов,
Развертывая свитки древних слов,
Весь мир ему внимает, восхищен.

В садах, где гений не один блистал,
Душа моя охвачена огнем.
Такого мой старинный Регистан
Еще не видел на веку своем.

И время-зодчий открывает той.
Он дорог мне, он стал моей судьбой.

Он дорог мне, он стал моей судьбой,
Священная земля его горда.
И если шел с врагом на смертный бой —
Не падал на колени никогда.

Он украшал искусною резьбой
И камни, и дворцы, и города,
Поэт, мудрец и звездочет седой,—
Вся жизнь его, как вечная страда.

На кронах устремленных ввысь чинар
И на вершинах каменных громад
Пылает солнца жар, каленый жар,
И радуги весенние горят.

И я над ним, как огонек, зажжен,
К его я красоте приговорен.

К его я красоте приговорен
И песни счастья петь хочу, довольный,
В своей поэме доброй, хлебосольной,
Я щедростью народа напоен.

Недугам исцеленье испокон
Веков седых — бег вод его раздольный.
Льет благодать на сердце воздух вольный
И чистый, и высокий небосклон.

Его сады для радостных свиданий,
Влюбленным счастье видится впотьмах,
И манит аромат благоуханий,
Роз аромат гулять в его садах.

И в сумерки, и с первой зарей
В пучине слов ищу алмаз живой.

В пучине слов ищу алмаз живой⁴
Средь быстрины, что без конца и края,
И ради слов пожертвовать собой
Готов я, мудрость жизни воспевая.

Когда средь тайн неведомых порой
Плыву я, все на свете забывая,
Мне кажется, что говорит со мной
Цера и рифм бессонница святая.

Когда пером водила боль души,
В себя вбирая краски минарета,—
Бумаги лист исписывал в тиши,
Склоняясь над ним до самого рассвета.

Я постигал искателя закон,
Безмолвно Регистаном восхищен.

Безмолвно Регистаном восхищен,
Как памятником вещей старины,
Как будто в изумленье погружен
Весь мир надолго в чары тишины.

Вонзился в сердце мне какой-то стон —
Воспоминанья им оглушены,
И птицы дум взлетают в небосклон,
К вам, пращурь, они устремлены.

Их зодчие, живя в душе моей,
Так дороги еще и потому,
Что свет их мудрый, добрый все сильней
Сияет поколенью моему.

Как памятник народу вековой,
Сроднились минареты с высотой.

Сроднились минареты с высотой,
Поддерживая звезды Улугбека
На бережной ладони золотой,
Любая служит компасом от века.

Он небосвод измерил голубой
«Таблицей звезд», прославив род узбека,
И путь комет увидел огневой,
Прозрением могучим человека.

Открывший тайны жизни наконец,
Он сделал мир прекраснее и шире,
Землепроходец первый и мудрец,
Он песней стал и сказкой в этом мире.

На наши поколенья смотрит он...
Открыта счастьем даль былых времен.

Открыта счастьем даль былых времен,
Сегодня снова встретились поэты
В весеннем светлом городе моем,
Где все сады цветением согреты.

И каждый нашей новью упоен,
Вбирая в сердце времени приметы,
И ради них высокий небсклон
Над городом моим зажег рассветы.

Открыв диваны, как сердца свои,
На этот праздник песни небывалый,
Пяти веков оставив перевалы,
В мой век пришли Джамии и Навои.

Творцам стихов прекрасных рад не зря
Наш мир, зажегший солнце Октября.

Наш мир, зажегший солнце Октября,
Сиянье разливает надо мною,
И поколение новое рекою
Торжественно течет, простор даря.

Звезду любую, что взошла, горя
Над тихою, зеленою землею,
Рукою мы достанем, чтоб звездою
Той озарить и горы и моря.

Эпоха коммунизма настает —
Маяк и светоч многих поколений,
Все ближе, все светлей, все совершенней
Зари ее блистательный восход.

От имени людьми зажженных звезд
В честь Самарқанда подымает тост,

В честь Самарканда подымает тост
И поздравляет с возрастом почтенным
Моя страна. Он с чувством вдохновенным
Ее любовь сквозь грозный век пронес.

В глазах его — нетленный отблеск гроз.
А сердце остается неизменным,
Цветком цветет оно благословенным,
И свет его надежд — прекрасней роз.

Звонят, звонят мелодии в садах
Все громче, все отзывчивей, чудесней,
Переливаясь в солнечных лучах,
На крыльях сердца ввысь взлетают песни.

Их слушают хлопковые поля.
Кипит в моей груди река, бурля.

Кипит в моей груди река, бурля,
И нервы в напряженьи непрерывном,
Его перебороть не в силах я,
Когда в груди оно гудит вулканом.

Жжет грудь мою неистовый огонь.
Свой путь не только радостью итожил.
Как норовистый, но крылатый конь,
Стих сердце мне бессонницей встревожил.

А край, что столько крови знал и слез,
Восстал из камня всей земле на диво,
И в синеву листву садов вознес,
Я на него люблюсь молчаливо.

И кажется, поднимет солнце тост —
И этот тост за край, где я возрос.

И этот тост за край, где я возрос,
Запомнить сердце навсегда готово.
Мне в пиале фарфоровой поднес
Дехканин молодой вина хмельного.

Ургутский садовод цветы принес,
И хлопка хлопкороб принес простого,
А виноградарь — винограда гроздь,
Поэт — большое, песенное слово.

Искусный повар к плову нас зовет —
Горит на дастархане перец красный,
Горит шербет. И от своих щедрот
Кувшинами вино подносит кравчий.

И счастлив я. И радуюсь я впрок,
Той самаркандский шумен и широк,

Той самаркандский шумен и широк,
Отец, напротив, радуется сильно,
Ремнем широким опоясал сына.
— Джигитом стал ты!— радостно изрек.

Стать воином — обязанность и долг,
Дороги сына и отца едины.
Ему желает Регистан старинный:
— Счастливого пути тебе, сынок!

В честь проводов на службу сына — той.
Хранят цветы рассветные росинки.
И по старинке горсть земли родной
Отец в карман кладет своей кровинке.

И горд джигит, и путь его далек.
На город свой спешу надеть венок,

На город свой спешу надеть венок,
Чтоб он блистал сильнее красотой,
Я Самарканда каждый уголок
Хочу восславить песенной строкой.

Я в каждом доме звезды бы зажег,
Чтоб лился свет из окон молодой,
И постелил ковер цветов у ног,
У ног, спешащих радостно на той.

В пожаре солнца все сады горят.
Священный возраст, созданный веками,
Мы нынче отмечаем. Самарканд —
Поэма, нами вписанная в камни.

Тебя воспел я песенной строкой,
В объятьях Зарафшана город мой!

МАГИСТРАЛЬ

В объятьях Зарафшана город мой,
Земля, где я когда-то был рожден,
Он дорог мне, он стал моей судьбой,
К его я красоте приговорен.

В пучине слов ищу алмаз живой,
Безмолвно Регистаном восхищен,
Сроднились минареты с высотой,
Открыта счастьем даль былых времен.

Наш мир, зажегший солнце Октября,
В честь Самарканда поднимает тост,
Кипит в моей груди река, бурля,
И этот тост — за край, где я возрос,

Той самаркандский шумен и широко,
На город свой одеть спешу венок.

Золотая колыбель

Поэма в сонетах

Свои долины исходил я всласть,
Изведав дивных чувств святую власть.

Хамид Алимджан

ПРОЛОГ

— 1 —

Колыбель узбеков золотая,
Ты меня качала, как река.
Над тобой звучали, не смолкая,
Будто колыбельная, века.

Колыбель узбеков золотая,
Ты известна всем наверняка,
Песня колыбельная, простая,
Ты душе дехканина близка.

Матери склонялись над тобой,
Нашей озабочены судьбой,
Нежною заботою согреты.

В нас навек вошла твоя душа.
И не зря ведь, добротой дыша,
Вешние баюкаешь рассветы.

Над колыбелью этой золотой
Заботливо мать не смыкает глаз.
Быть человеком нежно учит нас
То сказкой, то мелодией простой.

О, колыбель моя, наставник мой,
И в час беды и испытанья час
Среди скитаний мне была не раз
Ты верной, путеводною звездой.

Мне не забыть, как гор родных и нив,
Неповторимый, сказочный мотив.
И день, лучами солнца залитой,

Над колыбелью этой золотой.
За горизонт уже который год,
Как птица Феникс, вдале мечта зовет.

За горизонт, за тридевять земель,
Душою птицу Феникс приютив,
Услышу соловьиною вдруг трель,
И слышу в сердце прошлого наплыв.

Дороги наши солнцем озарив,
То нашей дружбы солнечная цель
Звучит в душе, то праздничный мотив,
То звонкая весенняя капель.

Узбекистан неповторимый наш,
В сиянии негаснущего дня
Стоишь непоколебимо, словно кряж,

Ты возле изголовья, словно страж,
Стоишь, величье гордое храня.
Ты жизнь мне дал и вдохновил меня.

Откуда он и кто его открыл,
Родной мой край, распахнутый в весну?
Какой великий зодчий сотворил
Фирдоуси воспетую страну?

Кто в небе и в садах его разлил
Прозрачную навек голубизну?
И необъятность счастья подарил,
О чем и не мечтали в старину?

Кто имя дал высокое ему,
Благословил, кто свет ему зажег,
Тот свет, что навсегда рассеял тьму?

Кто подарил народу моему
Величье дел, даль новую дорог
И золотом обил родной порог?

О, сколько раз над тайной вековой
Я размышлял без отдыха и сна.
И столько раз в тиши передо мной
Столетий открывалась глубина.

Надеждами и верою живой
Душа моя прозревшая полна.
Стою я со склоненной головой,
Как колосок тяжелый от зерна.

И сердце мне волнует, не шутя,
Народа голос, что землей рожден.
Живу, с тех пор надежду обрета.

От тьмы веков очистив небосклон,
Великой революции дитя,—
Узбекистан для счастья был рожден.

Вот почему звучит в груди моей
Великой революции струна,
Под ясным солнцем ленинских идей
Иные наступили времена.

И на Востоке, в Азии во всей,
Среди жемчужин и моя страна,
Покуда будет мир стоять — над ней
Светиться будет вечная весна.

Мой век, поцеловав ее в чело,
Открыл для всех — и радость родилась.
И счастье, от которого светло,
С бессмертием самим имеет связь.

И даль еще яснее впереди —
Великий Ленин у нее в груди!

Мой край — ты для меня весь белый свет,
Тобой навеки сердце озарилось.

Я рос, твоей заботою согрет,
Я полюбил твоих рассветов стылость.

Хочу, чтоб время каждый мой сонет
Озвучило и песней озарилось.
Любовь, что сберегал я столько лет,
В летящих клином строчках проявилась.

Я, как Колумб, не открывал земель
Неведомых, зато я честно жил..
И песен золотую колыбель
Из четырех разделов я сложил.

Тебе, страна,— соцветья нежных слов
И в каждом по четырнадцать цветов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— 8 —

Четыре равных времени у года —
Четыре брата, чья любовь верна.
Связные поколений и народа,
Чьи на седом граните имена.

Четыре равных времени у года, —
Четыре брата у тебя, страна.
Из мрамора дворцов высоких своды,
Как рукописей древних письма.

Четыре равных времени у года,
И каждому свой срок извечный дан.
И выцветший сменяет дастархан
На красочный умелица — природа.

Без зим и весен не бывает года;
Без поколений новых — нет народа.

И чело­вечья жизнь из четы­рех
Вре­мен неот­вра­ти­мых со­сто­ит.
Весь мир, как будто веч­но­сти порог,
Как веч­но­сти незыбле­мый гранит.

И че­ло­век во вла­сти у до­рог
К вер­ши­нам жизнь и помы­слы стре­мит.
Его ро­жде­нье — ра­до­сти за­лог,
А смерть — так смерть, на этом мир стоит.

И не стра­шась ни го­ря, ни пре­град,
От­ме­чен­ный и си­лою, и вла­стью,
Живет он и не тре­бует на­град

За то, что жаж­да ми­ра ста­ла стра­стью,
Что мир его тру­да­ми стал, как сад,
Что серд­це рвется неиз­мен­но к сча­стью.

Я это счастье взял в проводники,
По всей стране родной лежал мой путь,
Все травы, все леса, все родники
Я слушал, подставляя ветру грудь,

Прошел все города, все кишлаки,
Прошел, во всем отыскивая суть.
Сияли зори мне, как маяки,
Чтоб в сторону с пути не мог свернуть.

Влюблен в него, я путь направил в дали,
Я звал его: «Приди ко мне, согрей».
И звуки песен в сердце мне встали.

Испил настоя роз родных полей,
Не ведая ни страха, ни печали,
И запылал огонь в груди моей.

В поисках песен сады исходил,
Преодолея не один перевал.
Взгляд твой влюбленный, словно кинжал,
Сердце поэта навеки пронзил.

В поисках песен сады исходил,
Преодолея не один перевал,
Сердце я пламенем запеленал,
К странствиям вечным приговорил.

В тоненьком, словно игла, роднике
Есть и поземки шелест и свист.
Падает с дерева медленно лист,
Замерла трель соловья вдалеке.

Вольные звуки отчей земли
Сердце озвучили, в душу вошли...

Пусть лицо твое не будет спрятано
От утренних сверкающих лучей.
Пусть повторится в правнуках опять она,
Святая кровь отцов-богатырей.

Пусть не будет честь твоя запятнана,
Терпеньем нетерпенье одолей,
Пусть будут годы радостью богатыми,
Пусть буду жизнью жизни я твоей.

Сожгу себя ради тебя дотла,
Напитком быть хочу твоим, прекрасная,
Чтоб ты была всегда такая ясная,
Какою в испытаниях была,

И чтоб твоя звенела пиала!
Еще хочу я, чтоб жила ты, здравствуй!

Оттого, что здравствуешь, страна,
Целен я душою, как вначале,
Оттого, что радости полна —
Все испепеляются печали.

Все в тебе — и ширь, и вышина,
Небо и разбуженные дали.
Жизнь моя навек ей отдана,
В песенные вписана скрижали.

Оттого, что не сочтешь друзей
У меня — твой дастархан чудесен.
Дастархан раскрыт твой для гостей,
Нет тебя прекрасней и щедрей,
Жизнь моя — от совершенных песен
Величавой родины моей.

Тебе, мой сокровенный друг, мой брат,
Все отдаю, что радует и мучит.
И в пламенное сердце «Муножат»*
Войдет — и навсегда его озвучит.

Та песня, что писал не наугад,
Пусть нежности меня с тобой научит.
Любимая, войдя в мой скромный сад,
Цветы любви прекрасные получит.

Пусть будет гнев мой бомбой для врагов,
Пусть будет песня всем необходима,
Чтоб светлый дом, мной созданный из слов,
Стоял бы среди других непоколебимо.

Живу и счастлив тем, что с другом верным
Делюсь всегда я самым сокровенным.

* «Муножат» — название классической мелодии.

Мать-Родина, меня всегда спасешь,
Когда придется трудно мне в пути,
Ведь знаю я, что ты в огонь пойдешь,
Чтоб от меня напасти отвести.

И жизнь свою, под сердцем спрятав дрожь,
Готов тебе я в жертву принести.
Когда в тяжелый час ты позовешь,
И в бой пойду, чтобы тебя спасти.

Погаснут день и звезды без тебя,
Останутся на небе только пятна.
И солнце даже, что, глаза слепя,
Светило мне, погаснет невозвратно.

Ведь без тебя нет радости ни дня,
Погаснет жизнь навеки для меня.

Матерью Отчизну называть
Учат нас священные скрижали.
Родина! Готовы жизнь отдать
За тебя, как братья отдавали.

Жизнь свою привыкли мы считать
Колыбелью счастья и печали.
Как танбур, душа должна звучать
Так же неумолчно, как вначале.

Сердце — это родина любви,
Это жизнь, где праздник и печали.
Родина гудит в моей крови,

С Родиной в груди мы побеждали.
С Родиной в груди своей живи,
И тогда ты будешь крепче стали!

Малыш рожден — и Родина твоя
Гордится им, как счастьем незабвенным.
Он — только миг, частичка бытия,
Соединивший вечное с мгновенным.

А мать, любовь под сердцем затая,
С ним вместе дышит, с ним, благословенным,
Чтобы ему любимая земля
Была опорой, другом неизменным.

Когда сучит ножонками малыш,
То тихо вместе с песней колыбельной
Рассказывает мать, как Алпамыш
Сражался с вражьей силой беспредельной.

Батыром станет сын, и потому
Вручит она всю Родину ему.

Я горд за то, что мать смогла вручить
Любви к тебе великие начала.
В зрачках моих, умеющих любить,
Любовь моя твой образ отражала.

Моей судьбы с твоей судьбою нить
Бушующая молодость связала —
От радости любви не отделить,
Когда душа в огне затрепетала.

Живет моя душа меж двух огней:
Две радости, два счастья, две святыни.
Влюбленностью терзаясь все сильней,

Я к двум огням приговорен отныне.
И жизнь моя всей тягой быстрины
Вольется в жизнь моей родной страны.

А если разомкнется жизни круг
С твоей судьбой или погаснет свет
Твоих зарниц, твоих закатов вдруг —
Тогда беда, какой страшнее нет.

Но все же помнил я в плену разлук
И каждую тропу, и каждый след,
И каждый звук листвы иль песни звук
Рождал в душе поэзию в ответ.

А если из худой солонки соль
Просыплется — собрать попробуй в горсть.
Пока живу одной тобой — дотоль
В глазах моих не слезы — гроздь звезд.

Пока со мной ты — не страшна мне боль,
И на земле любимой я не гость!

Бесценность мною прожитого дня —
От силы чудодейственной твоей,
Своей вдохнула славою в меня
Безоблачность тоски в душе моей.

Та преданность, что, в сердце свет храня,
Обороняла от плохих людей,
И верность, что была мне, как броня,
Все — от любви доверчивой твоей.

Она жила, любовь твоя во мне,
Горел — и не сгорал в ее огне,
Хоть жизнь прошла по мне, как сухой.

Мне молодость твоя, как дом родной,
И в этом доме — ты всегда со мной,
И на земле — от этого светлей!

У каждой страны есть обычай свой —
Многих веков итог,
Имеет каждый народ — живой
Сказаний высокий слог.

Каждый край — со своей судьбой,
Полной битв и тревог,
Каждый имеет характер свой,
Очаг и родной порог.

И каждый — обычай свой и язык
И свой закон бережет.
И он земли, к которой привык,
Хоть горсть, но с собой берет.

Так стала земля его судьбой
И позвала за собой!

Горящие, как будто светляки,
Едва-едва успевшие расцвести,
Оберегал я слабые ростки,
Не позволял на них пылинке сесть,

Я плотнику, стругавшему бруски,
Давал тешу, чтоб зданья строил здесь.
Пришедшим на верблюдах сквозь пески,
Давал приют, оказывая честь.

Я был рекой — и жажду утолял,
Я хлебом был — и голод насыщал,
В светильниках пылал я до конца.

Любовью к детям нежность прививал.
Я цвел в садах и праздничен и ал,
Любовью став, воспламенял сердца.

Не угасал огонь сей никогда,
Как угасают огненные лавы.
И все же в сердце пепла — ни следа,
Хоть крепости горели, словно травы.

Вулкан с ним не сравнить, когда беда,
Киля, уносят горы в переплавы.
Но бялось сердце и в огне всегда,
Хоть в уголь обращались храмы славы.

С такой любовью солнце лишь сравню,
Сердца наполнив яростным запалом,
Они огнем пылают небывалым,

И с нею я весь мир беру в родню,
Не откажусь и верность сохранию
Под занесенным надо мной кинжалом,

А если о любви хочу сказать —
Моей к тебе любви, что словно диво,
То закипит волнение опять
Моей крови, как звездное огниво.

И чтобы боль влюбленного унять,
Весь суший мир кипит нетерпеливо.
У ней свои обычаи и стать
И власть неуждимого порыва.

Ты слышишь листопадов звон и гуд,
Сады горят под влагою кипучей,
Когда дожди на землю упадут —

Взыграют реки и взыграют тучи,
И, сотканы из сладостных созвучий,
Сонетами слова мои взойдут...

Старинные мелодии звучат,
Мои сонеты чувством озаряя.
Звучит то «Дилхиروج»*, то «Муножат» —
Их слушает страна моя родная.

Прекрасен ты, любви цветущий сад.
И сердце, словно тетива тугая,
Колеблют ветры медленный закат,
Мою влюбленность в струны обращая.

Лицо подставляю вешнему лучу,
Все краски утра в сердце вновь впускаю.
Я знаю — лишь рассвет взметнется круто,
Я верную тропинку отыщу.

И понесу букет цветов с Ургута,
Свою влюбленность в песню обращу.

* «Дилхиروج» — название классической мелодии.

Стал я зодчим и возвел из камней крепких зданье,
Из чинар прямых Ургута вытесал подпорки я
И хрустальные оконца обратил навстречу рани,
Чтобы в них рассветов белых за струей лилась струя.

Я на мраморе Газгана радуги зажег пыланье,
И узоры выводил я по нему, любовь тая,
И заставил зазвучать этот мрамор, как сказанье.
Всем, кто в этот дом придет, нежная любовь моя.

И, узнав о нем, идут в такт четыре каравана —
Им четыре срока года отдали свои дары.
Все четыре каравана — и гарцует беспрестанно
Впереди мое заглавье от горы и до горы.

Если к цели приведет, к цели трудной, долгожданной —
Караванчик позовет новой песней на пиры.

Скакун желаний, словно ветер, мчит,
Вдали маячит всадник одинокий —
Глаза веселой радостью слепит,
Сквозь дали скачет всадник одинокий.

Летит вперед под цоканье копыт
На свет из мрака всадник одинокий —
Он впереди всех всадников летит,
Сквозь гул Чартака, всадник одинокий.

И вслед ему летят во весь опор
Подкованные ветрами тулпары.
Цветочные так стелются пожары.
Встречает их восторгов дружный хор.

Всем, всем весна, как тамада бывалый,
Под ноги стелит красочный ковер.

Ногами упираясь в стремяна,
Гарцую на тулпаре молодом,
Кровь Алпамыша — в сердце мчит моем,
И я вперед бросаю скакуна.

А плеть звенит, как тонкая струна,
Клубится пыль, гудит копытный гром.
Я гордо возвышаюсь над седлом,
Горю в огне — огнем душа полна.

Копытит даль мой быстрый аргамак,
Чтоб побыстрее к финишу домчать
И чтоб поджатый под себя улак
От всадников стремительных угнать.

Меня мой конь безудержный увлек
В раздолье поля и в раздолье строк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— 29 —

Чу, мой конь! Пусть безопасным будет твой лихой полет,
Пусть алмазное копыто не сотрется на камнях,
Пусть всегда ты будешь в коле, пусть тебе всегда везет,
Пусть же ноги не устанут и огонь горит в глазах.

Пусть в глаза твои, как прежде, синевую даль плеснет,
Пусть вскипает пена скачек на железных удилах.
Кто тебя, мой конь, увидит — в восхищении замрет,
Пусть же ржанье молодое отзывается в горах.

Я с собою взял в дорогу, чтобы не было беды,
В хурджуне своем лепешки и еще кувшин воды.
Стал как будто сиротою без тебя я, отчий дом,

Поле, поле молодое, как обильный дастархан,
В травах сочных стыннут росы, отсыпается туман.
Будем живы — для ночлега в поле место мы найдем.

То место — наших дедов прах земной.
Наследство, что навечно сберегли,
И тот михраб* старинный, золотой,
К которому свою любовь несли.

Вобрав тепло ее, земли родной
Не забываем все же мы вдали.
Не зря в объятьях радуги сквозной
Пред нами дали матери-земли.

Как золотом, окраплена сполна
Горячей кровью нашею она,
Вот почему ее дороже нет.

Дороги наши трудные и жизнь
С ее судьбой прекрасною слились —
И без нее — чужбина нам весь свет!

* *Михраб* — ниша на почетном месте комнаты.

Гость пришел в твой дом с приветом, на душе его светло.
Открывай ему калитку, эй, быстреей, хозяин мой,
Вместе с этим гостем счастье долгожданное пришло,
Открывай ему калитку, эй, быстреей, хозяин мой.

Чтоб с дороги отдохнул он, чтоб спалось ему тепло,
Открывай ему калитку, эй, быстреей, хозяин мой.
Птица сна пока не села на ресницы, на чело,
Открывай свою калитку, эй, быстреей, хозяин мой!

Гость случайный, гость далекий, хоть не вовремя пришел,
Хоть и поздно, хоть неожиданно — позови его за стол,
Угости его едою и беседою живой...

Ведь и в полдень, и в потемки находился он в пути
И пришел к тебе усталый, если можешь, приюти.
Открывай ему калитку, эй, быстреей, хозяин мой.

Громыхая ржавой цепью, во дворе залаял пес,
Чуть калитку не порушил, на дыбы взметнувшись, конь,
Он копытами литыми высек яростно огонь.
«Кто ты?»— слышу из усадьбы. «Кто ты?»— слышу я вопрос.

Что с того, что издалека конь меня сюда принес?
Дом чужой, а все для гостя в нем, едва калитку тронь!..
Осветились лампой окна. Поднеся к лицу ладонь,
Кто-то выглянул в окошко и в него недвижно врос.

Вот калитка распахнулась— показался аксакал,
Вышел радостно навстречу — в тишину опасной тьмы,
Расспросил — кто я, откуда, как здоровье, и сказал:

— Гость желанный, заходите! Гость ночной, вам рады мы,
Нет, не ночь одну ночуйте вы, а тысячу ночей,—
И тогда не потесните никого в семье моей!

Вся жизнь моя — дорога да ночлег —
Скитаться мне моя земля велела.
Как дастархана щедрость — так навек
Ее любовь, которой нет предела.

Мне освещает каждый человек,
Как светоч, путь, в который вышел смело,
Цветущий край и берега всех рек
Душа забыть в разлуке не хотела.

Здесь чистоту обрел и тягу — вдале
И радостью переборол печаль —
Всю жизнь, как свежий ветер по утру!

И спутник мне — поэзия моя,
Идя с ней к людям, вечно помню я,
Что силы от родной земли беру.

Не ослабею, не поникну я,
Пока ты будешь здравствовать, страна,
Я не согнусь, в душе печаль тая,
Пока ты будешь радости полна.

Все вобрала в себя душа твоя,
Все дали, все пути, все времена.
В сад золотой, в любимые края
Я своего направил скакуна.

Нацелился на горизонты я.
В пути своей надеждою храним.
А если силу дашь ногам моим —
Удачной будет странствий колея.

И все, чем жил, дерзая и спеша,
В сонетах этих выскажет душа.

Не будет печали и грусти былой,
Не будет сомнений былых,
Не будет и слез над своею судьбой,
Не будет рыданий ничьих.

Не будет обиды уже никакой,
Не будет упреков пустых,
Не будет надежд, омраченных тоской,—
Я сердцем все это постиг.

Не будет стесняющих сердце мне чувств,
И сумерек снов,
Не будет, не будет ввергающих в грусть
Тяжелых годов.

На все откликаюсь, на все отзовусь
Во веки веков!

Стенаний нет, осталась боль одна.
Ее сменили радости неожиданно,
А там опять, как в шторм, кипит волна,
В сердцах вскипая кровью непрестанно.

Такою болью грудь обожжена,
Ввысь позовет — услышишь крыльев странный
Груз за спиной... Дум вещей письмена
Пускай не станут мудростью обманной.

Расплавит верность все твои печали,
И солнце озарит улыбкой вдруг, —
И снова ты — на новом перевале!

Жизнь взглянет озорно — займется дух,
Подарит верность и откроет дали,
А боль твою разделит только друг.

Это боль поэзии самой,
Сердце разрывающей на части,
Это слезы неподкупной страсти,
На бумагу льющихся строкой.

Это сердца вечный непокой,
Вихри чувств у пламени во власти,
Раненого беркута напасти,
Чье гнездо разорено пургой.

Это радуг дуги над рекою,
Млечный Путь, где звезды, как челны,
Это песня мамы надо мною,

Это океанский всплеск волны,
Тяга поколений к непокою,
Их глаза, что вещей звезд полны.

Когда в глаза мне звезды затекают,
Когда мне в сердце солнце вновь заходит,
Когда раскат в крови не затихает,
Когда джигит с невесты глаз не сводит,

Когда по полю ливни пробегают,
Когда подснежник с солнца глаз не сводит,
Когда пшеницу в поле засевают,
Когда покоя пахарь не находит,

Когда поля заколосятся в гуде,
Когда находят слезы винограда
Прибежище последнее в сосуде,
Когда для тоя потрудиться надо :

Открыл глаза свои — глаза дастана, —
И покорен красой Узбекистана.

-

Были слушал я в народе о твоей красе давно,
Музу красок в переливах радуг знойных я искал.
Но сравнения молчали, был я нем; но все равно
Небывалые созвучья слов достойных я искал.

Я считал тебя луною, что светила мне в окно,
Потому и сочетаний звонких, стройных я искал,
Чтоб слагались сами в счастье дни твои к звену звено,
Вещие слова о жизни беспокойно я искал.

Красотой твоею было все вокруг опьянено,
В цветниках земных рассветов свет текучий я искал,
Тайны сердца раскрывая, все, что жизнью мне дано,

Исцеленья от печали неминучей я искал.
И хотя с хулой поэтов встретиться мне суждено,
Вслед за Навои повсюду рой созвучий я искал.

В поисках песен сады исходил,
Преодолея не один перевал,
Взгляд твой влюбленный, словно кинжал,
Сердце поэта навеки пронзил.

В поисках песен сады исходил,
Преодолея не один перевал,
Сердце я пламенем запеленал,
К странствиям вечным приговорил.

В тоненьком, словно игла, роднике
Есть и поземки шелест и свист,
Падает с дерева медленно лист,
Замерла трель соловья вдалеке.

Вольные звуки отчей земли
Сердце озвучили, в душу вошли...

Щедрый солнцем край, родной Узбекистан,
Все сады обсыпал яблоневый цвет,
А вершины упираются в рассвет,
А ущелья — в изобильный дастархан.

Травы шелковы его и воздух пьян,
Он поэтами бессмертными воспет.
Край целебных трав и рек, несущих свет,
Был влюблен в него всем сердцем Хорасан.

Реки, жизнь ему дарящие, чисты,
Родники его — как чаша доброты,
Сосчитать его путей вовек нельзя.

Аромат цветов вобравший ветерок,
Словно радости и вечности залог,
Звезды в небе, словно вечные друзья!

Когда я бросил взгляд с крутой Ургут-горы,
Увидел над Чаткалом утра алость.
Державно говорил он мне, казалось:
— Откройте грудь мою — в ней жемчуга дары.

И к Фергане спеша сквозь звездные миры,
На Кураме луна большая показалась,
В Аму синь неба чисто отражалась.
Высь Бабатага и моих степей костры.

В молчанье гор Залвара слышались опять
Старинные мне думы аксакалов
И беркутов, глядящих с перевалов,

Чтобы с высот небесных и в ненастье
Взор матери-земли увидел берег счастья.

Горы — это мать, а реки — дети,
И ее душа — все время с ними.
Тех детей, что на ноги поднимет,
Преданнее нет на белом свете.

Утешенье сердца в горе — дети.
Нет светлей для матери святыни,
Затоскует мать о блудном сыне,
Но не верит горестной примете.

Каждая река или речонка —
Сыр, Аму, Чирчик и зыбь Сурхана,—
Каждую, как своего ребенка,

Пеленает в нежные пеленки
Шелкового тонкого тумана,
Край родной, земля Узбекистана.

И горы чем-то на людей похожи,
Любимицы у матери земли,
Как человек, они тоскуют тоже,
Что выросли, а с места не сошли,

Не сдвинулись, не ощутили дрожи
В ногах, а в землю намертво вросли,
И держат их тяжелые подножья,
Как якоря и цепи — корабли.

Хотя и немые и глухие от века,
И все ж они — подобье человека:
Пьют воду, любят воздухом дышать

И видят мир свободным и красивым,
И, все-таки могучие на диво,
Ног от земли не могут оторвать.

Горы отправляют в путь навеки
Вод потоки, глядя им вослед.
Словно руки, сна не зная, реки
Пеленают землю в белый цвет.

Реки эти в яростном разбеге
Оставляют всюду жизни след.
И тюльпаны раскрывают веки
У вершин, где спит в снегах рассвет.

Горы—их отправив в вечный бег,
Все ж не верят в возвращенье рек,
Как детей ждут матери тоскливо,

Пусть бегут, пусть волнами звенят,
Горы рек своих не ждут назад
И по ним тоскуют терпеливо,

Знаю, реки — это кровь корней,
Сердце станет, если кровь мертва.
Реки — это жизнь — звенит листва,
И трава растет из-под камней.

Реки — это хлеб родных полей,
Это хлопок, что пойдет на кружева,
Тленом станет мира синева
Без шумящих рек и без дождей.

Реки хлеба — нет чудесней рек!
Без зерна погаснет жизнь навек.
Реки это — пастбища земли.

Золотые реки вещей зорь,
Пусть текут, став хлебом и лозой,
Не бывает утра без зари!

Рек руки — родники,
Где синие луга.
Рек губы — берега,
Но дни их коротки.

А блики — рек глаза,
А всплеск — до птичьих гнезд,
Старт речек — гор краса,
Их финиш — бездна гроз.

И рвань из берегов,
Летят они в простор,
Чтоб втечь деревьям в кровь,
Чтоб стать корнями гор.

Бегут во все концы
Как добрые гонцы.

Хоть было всюду речек изобилье,
«Но возле рек мы жаждали воды»*,
И лишь текли пески, текли ковыльи
Разливы, от жары степной седы.

Истрескалась земля, покрылась пылью —
Жара сжигала хлопок и сады,
Листва сжималась, ощутив бескрылье.
Где тот мираб, что даст полям воды?

А ныне половодье рек, а ныне
Вода пришла в сады, пришла в пустыни,
Хлеб убираем ныне без потерь.

Хозяева земли и плодородья,
Горит наш свет широк, как половодье,—
Мы стали светоносными теперь!

* Из послания строителей Большого Ферганского канала.

Чтоб свет — из рек, алмазы — из земли
Добыть для всех, народ работал споро.
Живую плоть мечтанья обрели,
Любовь к земле — навек его опора.

Когда сады ферганские в пыли
Стояли, словно села после мора,
Беззвучны были губы у земли
Под властью раскаленного простора.

И на ноги вся поднялась страна,
Чтоб зацвела родная Фергана,
Чтоб жизнь вернулась в знойные пустыни,

Чтоб из листвы сады воздвигли свод,
Чтоб нес канал в поля прохладу вод.
Вода и свет — глаза страны отныне.

Чтоб было вдоволь света и воды,
Трудились от зари и дотемна.
«Рахмат, рахмат, народ мой, за труды!» —
Сказала нам любимая страна.

Весь Зарафшан, все села, города
Пришли к тебе, родная Фергана,
Пришли к водохранилищу, сюда,
А кажется — пришла сама весна.

И камень я дробил, песок копал,
Пример в труде с товарищей беря,
Мы кетменями вырыли канал,
Мы кетменями создали моря.

И всходит рукотворная заря,
Легендами с грядущим говоря.

И кирка, и дедовский кетмень
Пригодились на Фархадской ГЭС.
Дамбы, чтоб с земли исчезла тень,
Двинулись реке наперерез.

Лом гудел в руках, сверкал кетмень,
И бетонный застывал замес.
Хоть и рыли землю целый день,
Все же было времени в обрез.

Этот труд оставил вечный след
В наших душах и в сиянье глаз!
Прежде чем в домах зажечься, свет —
Он уже горел в сердцах у нас.

День наш с днем грядущим говорит —
Над страну радуга стоит.

У меня в глазах рябит от сияния венков,
Воды жизненной реки наблюдаю молчаливо,
По лазоревым волнам меж цветущих берегов
Мой народ родной плывет в даль широкого разлива.

В горизонтах голубых, среди приречных облаков
Караваны дум моих затерялись торопливо.
Уподоблены они стае яростных орлов,
Устремленных на огонь, на сверкающее диво.

Манит сердце этот свет, что возник из лона вод,
Манит даль, куда плывет тихо белый пароход...
Ты, кого студил мороз, духотой душило лето,

Кто колодцы среди песков и оазисы искал,
Нет, бобо степенный мой, нет, почтенный аксакал,
Окна внука своего ты увидел в море света!

Возле дома моего возвышаются хребты,
Реки волнами играют у высокого порога,
Светят лампочки в домах, как весенние цветы,
Свет струится по снегам от отрога до отрога.

Я садами опьянен, что в цвету стоят, густы,
В струнах сердца моего и огня, и песен много,
Так исполнились, сбылись вековечные мечты,
У народа моего — светоносная дорога.

От соцветий этих звезд отступил навеки мрак,
Вся земля озарена, словно необъятный космос,
И в свету теперь стоят каждый город и кишлак.

Свет, идущий по стране, воспевай же в полный голос,
Как хлеб-соль и как накал мирных, трудовых атак,
Что вpleли в державный герб золотой, нетленный колос.

Мой край родной, весь солнцем залитой,
Ты — родина хлопчатника от века,
И в колыбели солнца золотой
Взлеял он любовью человека.

Тот, кто посеял семечко весной,
Чтоб вспыхнул хлопок, словно искра века,
Определил начало трудовой,
Прекрасной биографии узбека.

Когда росток поднялся над землей,—
Дехканина сияние коснулось,
Когда хлопчатник гладил я рукой,
От радости Отчизна всколыхнулась,

И встала над хлопчатником, горя,
Разбуженная птицами заря.

Навек чалмою хлопка обвязал
Чело полей разбуженных дехканин,
Свет глаз своих коробочкам отдал
И жар души, накопленный веками.

Гляди — перед тобою засверкал,
Как жемчуг каждый камень в Кумышкане.
Снега вершин, снега высоких скал
Серебряными стали облаками.

В цветущем хлопке весь Узбекистан
Красуется, как в праздничных обновах,
Пусть на путях неведомых и новых

Заблудишься Колумбом в ураган,
Весь мир избороздишь, как Магеллан,
Но не минуешь ты полей хлопковых.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

— 56 —

Море белое, большое — синь долин Узбекистана,
Волны белые играют — искрометны, высоки.
Берега морей сияют днем и ночью лучезарно
Ведь бессонные хирманы стали им как маяки.

Если море прячет жемчуг на глубинах неустанно,—
Хлопка море рассыпает изумрудов огоньки.
Если ищущие жемчуг погибают постоянно,—
Хлопкоробы с легким сердцем сыплют золото в тюки.

Не всегда находят жемчуг в бурном море водолазы,
Постоянно хлопкоробы грузят золото в тюки,
Тягачи идут к хирманам, как груженные баркасы.

И дехкане загорелы, как на вахте моряки,
Море белое струится, с ветерком осенним споря,
Мы на поле — водолазы, хлопок, словно жемчуг моря.

Открытьем этим, чудом настоящим
Жив человек, душа его жива,
Пусть штормит. Под парусом гудящим
Приходят в сердце звонкие слова.

Вот потому пред разумом творящим
Склоняется в поклоне голова,
И теплым светом, чистым и слепящим,
Полей хлопковых льется синева.

Моей земли природу изменивший
Среди жары, среди седых песков,
Великий мастер, хлопок посадивший,
В неизвестности остался для веков.

Безвестный мастер, старец иль джигит,
Ты родиной моею не забыт!

Пахтаджан! Тебя открывший и взрастивший властелин,
Красоты твоей достоин и богатства всех веков,
Чтоб кому гордиться было необъятностью равнин;
И зажег на берегах он несказанный свет садов.

Если бы жилищем стали вдруг твоим снега вершин
Или камни вековые, или жар седых песков,
Все равно, томимый жаждой, не жалел ты, исполин,
Что явился в мир с душою, не имеющей оков.

И всему раскрыв объятия, приняв властно мир как дар,
В беспредельные долины мчишь в сиреневом дыму,
Даже солнце злой пустыни, изливающее жар,
Поразилось несказанно вдруг терпенью твоему,

Пахтаджан — земля узбеков, в мире нет ее светлей,
И поля ее и воды — это плоть души твоей,

Вот ветры революции подули,
Украсили вендом твою главу,
И вихри вдруг к груди твоей прильнули,
Исполнились мечтанья наяву.

Так грозы появляются в июле,
Чтобы озвучить тяжкую листву,
Чтобы сильнее в коробочках блеснули
Прозрачные волокна в синеву.

И кажется, что это из земли
Серебряная выросла улыбка,
Что это солнца, льющегося зыбко,
Лучи на землю жемчуг принесли.

Чисты душа дехканина и лик,
И ты, страна, чиста, как жизнь ведет,

Мой край родной, в поход на Мирзачуль
Мы двинулись — и степи разбудили.
И среди песков барханных, среди бурь
Мы непреклонны и суровы были.

С пустыней, где всегда стоит июль,
Сразились мы, ослепшие от пыли,
Пред молодостью нашей вихри бурь
Седых равнин безмолвных отступили.

Пустыня убегает, волоча
Подол песков, от солнца горяча,
Путь уступив хлопковому раздолью.

Она — цветник отныне, дастархан,
Ее столица — город Гулистан,
Что потчует гостей всех хлебом-солью.

Мирзачуль— мой край, священен и велик,
Край, воспетый в песнях радостных стократ.
Вот поэтому навеки будет рад
Тот, кому откроет он свой светлый лик.

Тот, кому доступен песенный язык,
Этот край, что беспределен и богат,
И не зря ведь песнопевцы говорят,
Что богат ты, край родной мой, и велик!

Верен путь у голубого корабля,
Капитан стоит на вахте, взгляд остер.
И зовет, и манит, душу веселя,

В белом хлопке этот сказочный простор.
Если надо, вознесет его земля
И постелит на пути цветов ковер.

Мирзачуль!— нет выше красоты,
Мирзачуль — сокровище мое,
Совершенство и бессмертье ты,
Держишь втайне, словно мумие.

Мирзачуль! Сбываются мечты,
На тебе из золота шитье.
Ветры сырдарьинские густы —
Воды рек полям — как мумие.

Ты — чинара дружбы молодой,
От огня Фархада — светоч твой.
Весь ты — как зеленая арча.

Слава небывалая твоя,
Человечность гордая твоя —
От великой воли Ильича,

И степь Карши погружена в пески,
В солончаках, потрескавшись, лежала,
От зноя пожелтев, солончаки
Губами пересохшими лизала.

И вековой исполнена тоски,
Пустыня печь-хумдан напоминала.
Вот почему на жаркие пески
Боялся человек ступить, бывало.

В безлюдье пустовавшая земля
Хранила терпкий запах ковыля,
Ждала, чтоб человек пришел однажды.

А человеку было нелегко,
Земля тверда, а небо далеко —
И в пекло шел, и не боялся жажды.

Здесь, в пустыне Шерабад, взявшей краски от Карши,
Жемчуга свои рассеял несочтенные Сурхан,
К Шерабаду путь направил из предутренней тиши,
О сокровищах несметных помышляя Шаймардан.

Жизнь, чей лозунг так суров: «Побеждай, борись, верши»,—
Закалила Шаймардана, распрямила его стан,
В нем узрела хлопкороба. И тогда от всей души
Попросила, чтоб над нею не куражился буран.

И к следам его она вдруг принякла головой.
— Если можешь,— прошептала,— дай весеннего тепла,
Дай зеленые одежды, дай быстрее реки живой.

Шаймардану степь глухая, что от хлопка расцвела,
Пожелала: Пусть счастливый путь наш будет и прямой!
И ворота золотые древних тайн нам отперла.

Ради хлопка в зной и холода
Мы пустыню победить смогли,
Смыть сумели дружно, навсегда
Яд солончака с лица земли.

В наши степи хлынула вода —
Ожили пустыни, расцвели,
Свет пришел в поселки, в города,
Грузный колос гнется до земли.

Степь прошла, пробив навывлет даль,
Синяя, живая магистраль.
Степь цветет — отрада наших глаз!..

Говорят глаза пустынь сейчас
О грядущем дне, о той заре,
Что цветет в хлопковом серебре,

Край родной, твоих сокровищ никогда не сосчитать.
Из коробочек ты льешься, как молочная струя,
На твоём ведь дастархане ныне — солнечная кладь,
И богаче дастархана никогда не видел я.

Ум и гордость человека, негибаемая сталь —
Кровь земли моей могучей, кровь горячая моя.
Это всё моей душою, песнею сумело стать,
Оттого и прославляю красоту я бытия.

И в цепи мгновений жизни, в нескончаемом пути
Грудь Ялангтуша украсив вечной славой, титан,
Видишь ясно день грядущий, даль, что светит впереди.

Приглашая все народы за широкий дастархан,
Ты всегда гостеприимен... Потому всегда свети,
Словно солнце молодое, золотой Узбекистан!

Узбекистан — земля родной убор,
Весь мир одел одеждой тонкорунной,
Ты можешь быть дорогой хлопка лунной,
Ты красоты невиданной узор.

Ты и лицо его, и ясный взор,
Мотив ее широкий, многострунный,
Светильник жизни, трепет сердца юный
И труд, одевший жемчугом простор.

Руками золотыми человек
Построил эти стройные колонны,
Дворцы и Кеш, и Шаш, и Самарканд зеленый.

С судьбой народа слит твой гордый век,
Сливаются вот так лишь русла рек, —
Ты ум его суровый, непреклонный.

Вот так нежна и жизнь твоя и плоть,
А семечко, вращая в сердце крепко,
Запылало, как под снегом ветка,
Ты веришь, и тебя — не побороть.

Коробочка, как месяца ломоть,
Любовь твоя слилась с звездой редкой,
Взметнулся ярко-огненной отметкой
Корабль «Восход» за облачную вадь.

Тебя Гагарин в космос взял с собой,
Летела ты над нашей землей—
Так прожигает тьму протуберанец.

Тебе с любовью мир рукоплескал,
Так хлопок космонавтом гордым стал,
Моей страны, моей земли посланец.

Чтоб возвеличить древний город мой,
Ему воздвигли памятник в награду
Из мрамора на площади большой,
Сказав: «Киши, подобно водопаду!»

И вот, покрыт узорною резьбой,
Поднялся он, храня в себе прохладу,
Вознесся до небес он головой,
Стремительный, подобный водопаду.

Взметая выше радуги разлив
И жемчуг из коробочки фонтана,
Звучит любовь — земли моей мотив,
Звучит в его изгибах непрестанно.

В себя вобравший небо и рассветы,
Как памятник стоишь ты среди планеты.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— 70 —

Земля, где ты когда-то в люльке плыл,
Немало поколений пеленала,
И с дня, когда ты в этот мир вступил,
Душа твоя в святом огне пылала.

Когда ты в колыбели тихой плыл,
То над тобой сама судьба стояла,
Даря и грусть, и радость на распыл
В садах, где наше детство подрастало.

Любовь свою, что как родник чиста,
Мы с материнским молоком впитали,
Всесилие надежды, красота,
Земля родная, нас влюбила в дали.

И я живу в долгу перед страной
И пред тобою, мой очаг родной.

Обиталище отцов — мир, имеющий границы,
В этом мире молодым дни пройдут — и вот ты стар.
Обиталище отцов, как дворец, что ввысь стремится,
В нем от века навсегда жизнь — судьбы бесценный дар.

За поводья удержаться ты попробуй, если мчится
Жизнь стремительно и смело, словно яростный тулпар.
Жизнь не будет ждать на месте, мчится жизнь быстрее зарницы.
Жизнь — проспект, где нет стоянки под прохладною чинар.

Все меняется мгновенно, все изменчиво на сцене,
Так свершается в природе и в судьбе круговорот.
И спешит раскрыть объятия в жизни каждое мгновение
Дню грядущему и утру, что должно взойти вот-вот.

Обиталище отцов — путь, проверенный сердцами,
И осмыслена навеки жизнь отцовскими следами.

Жизнь человека, как ты коротка —
Ты стиснута крутыми берегами,
И все-таки грядущие века
Мы слышим прозорливыми сердцами.

Порою в сердце боль войдет тяжка,
Как будто яд, что поднесен врагами,
И на душу прольется вдруг тоска,
Как слезы соловья над лепестками.

И плавит пламя радости печаль,
Так выплывает утро из тумана,
И дарит силу жизнь душе неожиданно,

Жизнь — это направляющийся вдаль
Погонщик, вереница каравана,
Прошла она, не говори: «Мне жаль»...

Идем мы по проверенным следам,
За матерью так жеребенок мчится.
Огнем отцов, путь освещавших вам,
Озарены доньге ваши лица.

Отцы, вы добывали счастье нам,
И вот вошла свобода, как зарница,
Сердца свои вы отдали боям
И юность, что в потомках повторится.

Свет наших звезд навек не погасить,
Свет, что горит для многих поколений,
Все ближе он, все ярче, все священной
Он призывает Родину любить,

Свет звезд отцов, свет счастья и весны,
В сердцах своих продолжить мы должны.

Есть у народа моего любимый старший брат,
Что стал наставником ему, кого дороже нет,
Прошли мы с братом славный путь, спаял нас Сталинград,
От сердца брата своего вбирал народ мой свет.

И вот на помощь нам пришел могучий русский брат,
Избавил нас от богачей, избавил нас от бед,
Среди народов всей страны, как солнцем вешний сад,
Великой дружбою узбек навек теперь согрет.

Одна судьба, одни друзья и дастархан один,
Один хлеб-соль и путь один в грядущее у нас,
Узбек, и русский, и казах, татарин, и грузин..
Одна судьба, одна душа, одно сиянье глаз.

Ильич воздвигнул этот мост, великой дружбы мост,
И ныне этот мост ведет до самых дальних звезд.

Фундамент дома дружбы — из твердыни,
Его порог из мрамора возник.
Дворца основа с вечностью огни
Неразделимы в жизни ни на миг.

Есть у него хозяева, какими
Заслуженно гордиться он привык.
Меж душами есть мост, под стать святыне —
И это — русский, пламенный язык.

Мы для друзей расстелем знаменитый
Свой дастархан — таков у нас зарок.
А для врагов и форточка закрыта,
И дверь закрыта крепко на замок.

Средь хлопком полыхающих рассветов
Дом нашей дружбы — вся Страна Советов.

Друзьями этот дом богат всегда,
Печалям чуждый, светел он, как солнце,
Былинка даже малая — и та
Ни стен его, ни лона не коснется.

Одна у нас вода, одна еда.
В дом постучи — дверь сразу распахнется.
А ежели нагрянет вдруг беда,
Любой из нас всем сердцем отзовется.

Равны все сыновья, все братья в нем,
Чужда им зависть, злоба не знакома,
Заботы мира наш вмещает дом,
Мир на земле хранит хозяин дома.

И в саратан будь гостем, и в метель.
Дом этот — мирной жизни колыбель.

Друзей испытывает путь, в народе говорят,
Без друга сердце у меня — без тучных ливней лето.
В дорогах трудных, что всегда опасности таят,
Тебе поможет и спасет, я знаю, дружба эта.

Тебе обвалы не страшны и каменных громад,
Когда ты чувствуешь, что друг с тобою рядом где-то,
Найдешь родник в сухих песках, бредущих наугад,
Когда заботою друзей душа твоя согрета.

С друзьями горе разделю и радость разделю,
Я поспешу на помощь им, когда придется туго,
А если болен друг, его от хвори исцелю.

Я даже мига одного не проведу без друга,
А кто друзьям не верен, кто измены выбрал путь,
Жизнь выстрелить тому должна неотвратимо в грудь.

Верных мой народ нашел друзей
И великий путь себе избрал,
Разумом своим, душой своей,
Кто друзья, кто враг ему, узнал.

Обмануть пытался похитрей
Враг его, показывал оскал
И в железо тяжкое цепей
Все-таки его не заковал.

Странствий скакуну излишня плеть,
Если в путь отправились друзья.
О, когда б сполна могла воспеть
Этот путь поэзия моя!

В день грядущий, что, как солнце, взмыл,
Дружбой нашей путь проложен был.

В дороге этой, что связала нас,
Ряды друзей еще прочнее стали.
Не потому ль в суровый, грозный час
Своих врагов мы вместе побеждали.

И дружбы нашей чистой, как алмаз,
Пылинкой даже мы не запятнали.
Мы дети общей матери, и нас
За общим дастарханом воспитали.

Нетленной нашей дружбы красоту,
Весны узоры чудные и дали,
В космическую взмывши высоту,
В свою мы родословную вписали.

Стоим мы друг за друга, брат за брата,
Как возле стен Москвы моей когда-то.

Братства нашего маяк — Узбекистан,
Слово «дружба» на устах его всегда,
Ради дружбы всех народов и всех стран
Путеводная зажглась его звезда.

Нескончаем нашей дружбы караван,
Если даже будет трудно — и тогда
Сдвинет горы, одолеет он буран
Среди сумрака полярного и льда.

Светоч братства оттого сильней горит,
Это золото в полях иль Млечный Путь?
Горы хлопком упрутся в зенит,
Осень орденом легла ему на грудь.

Наша дружба и крепка и горяча —
Исполняются заветы Ильича.

Узбекистан, привык тобой гордиться.
Звучит во мне твой каждый ручеек,
В веках твой звучный голос повторяется,
Как в море повторяется поток.

И мой Ташкент — моей земли столица,
Старинные ворота на Восток,
Двенадцать вилайатов* — вереница
Серебряных полей, больших дорог.

Узбекистана символ — наша гордость,
И герб, как нашей жизни торжество,
На нем есть хлопок и пшеничный колос,
Венчает серп и молот шелк его.

Так сложен гимн, звучащий, словно лира,
Достойный стать прекрасной песней мира.

* Двенадцать вилайатов — область.

Городом дружбы Ташкент мой назвали,
Городом радостных, солнечных дней,
Краю, воспетому в песнях, сказаньях,
Стал он дороже еще и родней.

Городом смелых Ташкент мой назвали,
Городом мужества наших людей,
Встал из руин он, встал из развалин,
Стал еще краше мой город, светлей.

Дружба мужская с отвагой едины.
Так же как гений и труд — близнецы.
Там, где стояли недавно руины —
Высятся ныне сады и дворцы.

Волей народа родился Ташкент,
Волей друзей закалился Ташкент.

В Ташкенте — славы Ленина достойный
Из мрамора поднялся ввысь дворец,
Свет изливает ясный и спокойный
Влюбленных крепко в Родину сердец.

Вознесся ввысь величественный, стройный,
Носящий имя гордое, дворец,
Гордится край родной, от солнца знойный,
Тем, что дворец тот — красоты венец.

Дворец — энциклопедия навек
Великого вождя и человека,
И ленинский, неповторимый свет
Сияет в сердце каждого узбека.

Стоит дворец, как времени маяк,
Его огни грядущего манят.

«Конь одинокий,— говорит народ,—
Хоть пыль поднимет — не добудет славы».
Ее вовеки тот не обретет,
Кому друзья бывшие не по праву.

А тот, кто дастархан не развернет,
Пред гостем обретет худую славу,
Того тоска по другу изведет,
Тоска одержит верх над ним по праву.

Когда чинара высится одна —
Чинара на отшибе с тонким станом —
Как устоять ей, слабой, под бураном?
Буран пройдет — она погребена.

Я помню, дружбе преданность храня,
И братья, и друзья есть у меня.

Когда не знает устали верблюд,
Не бросишь груз в дороге, говорят,
Когда с тобой товарищи идут,
То не устанут ноги, говорят.

Когда же тверд ты в дружбе, как редут —
Враги твои — в тревоге! — говорят.
Когда мечты к свершениям ведут —
Ясны твои дороги, говорят.

Когда друзья с тобой на все года,
То крылья не согнутся никогда.
А если жизнь отдашь ты за друзей,
Вовек не разомкнется дружбы круг.

А если вдруг в беде изменит друг,
Клинок блеснет над головой твоей.

Пройдя по гребням гор, по перевалам,
Под каменной землей мы газ нашли.
И слито сердце с Волгой и Уралом,
С великим сердцем матери-земли.

Дом дружбы нашей, он звучит хоралом
О том, что Кызылкумы расцвели.
И в Мурунтау, от рассветов алом,
Глаза друзей в сердца навек вошли.

И Зарафшан, припавший к плоскогорью,
Встречает братьев щедро хлебом-солью,
Проспектами навстречу им идет,

Запечатлело сердце Мурунтау
И наш порыв, и трудовую славу,
И ясный день страны, и ритм работ.

С сердцем Москвы навсегда сродни
Дороги Узбекистана.
С каждым годом светлее они,
Дороги Узбекистана.

И днем, и ночью — живой родник —
Дороги Узбекистана.
И гул моторов, и фар огни —
Дороги Узбекистана.

Связали Восток и Север, как мост,
Дороги Узбекистана.
Оставили всюду следы колес

Дороги Узбекистана,
Дороги дружбы, дороги звезд,
Дороги Узбекистана.

Сколько скрылось караванов в глубине времен, вдали,
Сколько их, спешащих, ныне горизонтами скрадется.
Через судьбы, через сердце караваны те прошли,
Сколь погонщиков еще из скитаний не вернется?

И дорога каравана дорогой моей земли
Предо мной всегда лежала, как негаснущее солнце,
И водителя душа, как с морями корабли —
Так с моей душой всегда обязательно сольется.

Все-таки моей дорогой, где одни пески метут,
Караваны, словно песни, бездорожием пройдут.
Сколь погонщиков веселых, караванщиков вослед

Пронесут в руках и в сердце негасимой веры свет,
Воспевая дружбу нашу, воспевая честь и труд,
По дороге, по дороге той, что лучше в мире нет!

Имеет сыновей любой народ,
И каждый сын — страны своей хозяин,
Судьбой своей ее судьбе он равен,
И прах его она не отряхнет...

Один очаг, одна мечта зовет
Его к себе со всех страны окраин,
Один хлеб-соль, один высокий пламень
Он Родиной своею назовет.

И если в сердце боль какая есть —
Дадут места родные исцеленье,
Раскроется душа для песнопенья,
И песня прозвучит, как счастья весть.

Узбекистан — священная страна,
И песнь моя и жизнь ей отдана,

Окно мое напротив гор. У ног
Деревьев улица склонилась
Свою главу... В дувал калитка встала,
С уругутским саем слит ее порог.

Кристалльный сая этого поток
Ввела мне в грудь неведомая сила,
И сердце новым светом осветила,
И новый горизонт меня увлек.

И горы потому меня с тех пор
Навек лишили прежнего покоя.
С тех пор несу бессонный свой дозор,

С тех пор зовет еще сильнее простор,
Хоть заложил когда-то нелегко я
В свою основу камень этих гор.

В горах Ургута, в середине мира
Вершина есть, что держит небосвод.
Ее преодолевшего батыра
Ввысь на своей ладони вознесет.

В вершине этой, что белеет сиро,
Продолжен путь строителем вперед,
Кто проложил следы, как два пунктира,
Себя, наверно, доблестным сочтет.

Чтоб красный стяг мы водрузить смогли,
Прошел по стуже лютой в снежной дымке
Бобо* по той тропинке средь пурги,

И вот сейчас на ней мои шаги.
Дорогой молний, с ветром в поединке
Вхожу я на нее по той тропинке.

* Бобо — дедушка.

Как увижу только горы — предо мной стоит отец,
Мой отец меня надежно подпирает, как гора,
И какой бы тайны сердцем ни коснулся, наконец,
Открываю неизменно, как земля моя щедра.

С сердцем гор — отцово сердце — гармоничней нет сердец,
Сколько жемчуга в них скрыто, сколько скрыто в них добра,
И не счесть его вовеки, не сложить его в ларец,
Как вовек не соберешь ты тополиного пера.

Голова отца белеет, как вершина в серебре,
Но отец могуч как прежде, тверже каменных громад.
Украшением округи всей — чинара на горе,
А краса отца и гордость — это брат, братишка, я.

Меня горы подпирают, сердцем всем я к ним приник;
Две горы и между ними я — вскипающий родник.

Я — кипучий родник, и души моей глаз
Не закрыть никогда никакому врагу,
И слова, что держу в сердце я про запас.
Как сокровища их, как зрачок берегу.

Море чувств в моем сердце кипит каждый раз,
Берегу я в груди от врага, как могу.
Пусть же волны качают меня, как баркас,
Счастлив я, перед памятью этой в долгу.

Я — кипучий родник, и мои берега
Всех друзей долгожданных готовы встречать,
Собирают они дум и чувств жемчуга,

По садам их сердец затоскую опять.
Эта дружба навеки душе дорога,
За нее свое сердце готов я отдать.

Душа святого таинства полна.
Пока глядит на мир душа, дотеле
Грустит, по милой Родине она,—
Чей лик — сиянье звезд на снежном поле.

Душа святого таинства полна,
Стремясь излиться в песенном глаголе,
Заговорить душа моя должна,
Исполненная радости и боли.

Душа святого таинства полна,
И цвет ее похож на цвет граната.
Гори, гори, огнем подожжена —
Жизнь озаренной станет, как когда-то.

Она пройдет по пламени зари,
И Родина велит душе: — Гори!

Так с молоком впитал я, будто миф,
То таинство, что названо любовью,
Поэзию с душой соединив,
Вошло мне в сердце чудо вместе с кровью.

И дастархану яства подарив,
Сияет день мне праздничною новью,
И вера, как прекраснейший мотив,
Пришла со славой вместе к изголовью.

К тебе, о Анаджан, готов припасть я,
Одну тебя, как жизнь, боготворю.
Ты трон своею мне воздвигла властью,
И вот я мыслю, чувствую, творю!

В твоей судьбе свое я вижу счастье,
За все, за все тебя благодарю!

Когда я не смогу воспеть стихами,
Что я люблю тебя сильнее всего —
Не осыпай меня ты жемчугами,
Не признавай за сына своего.

И если не смогу тебя стихами
Воспеть, твое справляя торжество,
Чтоб ты была, как дерево, с плодами,
Кто я тогда? Не стою ничего!

Хочу, чтоб вдохновляла ты меня,
Я — искорка от твоего огня,
Хочу, чтоб вечно сердце пламенело.

Когда за песни, что мне в детстве пела,
Не отплачу, в стихах любовь храня,
Забудь тогда такого сына смело.

Э П И Л О Г

— 97 —

Как конь свою находит коновязь,
Так к дому сердце тянется мое.
Целует хлеб свой путник, утомясь.
Пыль Родины мне словно мумие.

Как речка, от вершины вдале стремясь,
Не отрывает нерв свой от нее,
Так чувствую ступнями ног и связь
С землей родной, где в золоте — жнивье.

Как яблоку от яблони своей —
Придет пора — не далеко упасть,
Как знойный ветер из родных степей
Уйти не может, в дали устремясь,

Так от страны своей мне не уйти,
Какие б мне ни выпали пути...

Превратив лучи в поводья для лихого скакуна,
И копыта из алмаза в кузне подковав ему,
Из тяжелого железа повесил стремяна,
Золотую на попоне дорогой пустил тесьму,

Положил в хурджун старинный полновесного зерна.
Он, певец, взрастил тюльпаны — все в серебряном дыму.
Всадником свое он сердце посадил на скакуна
И сказал: — Когда столкнешься — влет скачи через Аму!

Всадника одев лихого в легкий шелковый чапан,
Шелковою перевязью опоясав тонкий стан.
Чустской чудной тюбетейкой взгляд завистливый дразнил.

Как подарок драгоценный свой ему вручил калям,
Скакуна пустил лихого среди садов туда, к полям,
И с надеждою в дорогу, в дальний путь благословил,

Мой путь вобрал четырнадцать дорог,
На каждой видел красоты немало.
Я вновь вернулся на родной порог,
И светоносным сердце ныне стало.

Страна на все — четырнадцать дорог,
Четырнадцать послов своих послала
От всех краев... Мой долгий путь пролег
Через страну к привалу от привала.

Я был послом своей родной земли,
Меня стихи по всем краям вели,
Мне окрыляя сердце красотю.

Четырнадцать сестер, мой край родной,
Есть у тебя, что стали мне родней,
Одной страной, что стала мне судьбою!

А та страна — земля Узбекистана,
Во мне — ее бушующая кровь.
И сердца зодчий смотрит беспрестанно
В глаза людей и ищет в них любовь.

Ее властитель — сердце, несказанной
Украшен славой: сердце славословь!
И вечен день незаблемый, багряный,
И радостна незаблемая новь.

Фундамент из земли Узбекистана,
Страны, с которой связана судьба.
Вот потому-то празднична, багряна
На зданиях чудесная резьба.

И та страна — стихов моих дастан,
Открытый мной родной Узбекистан.

1973
Ургут—Ташкент

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Узбекистаном в сердце	5
Любовь	9
Верность	53
Память	105
Самарканд (Венок сонетов)	141
Золотая колыбель (Поэма в сонетах)	159

Барот Байкабулов

КНИГА СОНЕТОВ

Перевод с узбекского

Редактор *В. Шевченко*
Художественный редактор *И. Кириакиди*
Технический редактор *Э. Саидов*
Корректор *Н. Адайкина*

ИВ № 216

Сдано в набор 25/V-77 г. Подписано в печать 20/X-77 г. Формат 70×108^{1/32}. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 5,36. Тираж 5000. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 17-75.

Отпечатано на полиграфкомбинате Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1. Ташкент, ул. Навои, 30. Заказ № 1055. Цена на мелованной бумаге 1 р. 80 к., на бумаге № 1 90 к.

Б $\frac{70405-180}{352 (06)-77}$ 62-77

Байкабулов Барот.

Книга сонетов. Пер. с узб. Владимира Цыбина.
Т., Изд. лит. и искусства, 1977.
264 с.

Новая книга стихов лауреата премии Ленинского комсомола республики Барота Байкабулова — это своеобразная поэтическая исповедь в сонетах, гимн солнечному Узбекистану, отражение авторского понимания величия нашей современности, сложности и красоты человеческих чувств и деяний, неповторимости природы родного края.